

ПЕТЕРБУРГ-2008

ЕЖЕГОДНАЯ ВЫСТАВКА НОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ПЕТЕРБУРГСКИХ ХУДОЖНИКОВ

7 - 18 ЯНВАРЯ 2009 ГОДА

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ "МАНЕЖ"

ПРОГРАММА ВЫСТАВКИ:

ВЕРНИСАЖ - 7.01 в 16.00

Показ фотофильмов молодых фотографов
и фильмов об известных российских фотографах - 10.01, 15.00-18.00

Программа перформанса - 11.01, 15.00

Поэтические чтения - 17.01, 16.00

Теоретическая конференция - 18.01, 16.00
Награждение дипломами выставки

МАЛЫЙ ЗАЛ ЦВЗ «МАНЕЖ»
канал Грибоедова, 103

Выставка "Митьки. Этикеты"
Алкогольно-ностальгический литературно-художественный ретро-проект

Световидеоперформанс Андрея Мельника

- АГАБЕКОВ Александр Суренович. 1936
 Дорожный знак "Теннисный корт". 2008. Объект. D 70
- АГАРКОВ Яков Николаевич. 1966
 Фотограф Антонас Суткус. 2008. Фотография. 50x40
- АГАРКОВА Наталья Ивановна. 1962
 Хельсинки. 2008. Холст, масло. 50x60
- АКОПЯН Дорвард Гургенович. 1943
 Осень в лесу. 2008. Холст, масло. 60x80
- АКУЛОВИЧ Елена Сергеевна. 1983
 Ира и Паша. 2008. Б., гуашь, темп., акрил. 95x70
- АЛЕКСАНДРОВ Юрий Самуилович. 1949
 Плакат. Изд-во "ЭКСМО". 2008. Б., офсет. 46x53
- АЛЕКСЕЕВ Дмитрий Вадимович. 1971
 Монумент III. 2008. Фотография. 110x76
- АЛЕКСЕЕВ Федор Львович. 1952
 Набережная Фонтанки. 2007. Холст, масло. 150x100
- АНОПОВА Валентина Акимовна. 1938
 Скульптура в Натании. 2008. Х., м.. 80x100
- АНТИПИНА Дарья Олеговна. 1977
 Портрет с поморской женщиной. 2008. Х., м. 80x80
- АНТОНОВ Эдуард Никандрович. 1930
 Левашовский проспект. 2008. Б., акварель. 39x48
- АНТОНЫШЕВ Ян Анатольевич. 1965
 Плач Старого Города. 2008. Б., пастель. 90x70
- АНФАЛОВА Надежда Владимировна. 1976
 Витрина. Париж. 2008. Латунь, шелкогр. 60x75
- АРЗУМАНЯН Елена Валерьевна 1982
 Расстояние. 2008. Фотография. 90x43
- АРЦУТАНОВА Елена Дмитриевна. 1977
 Цветок. 2008. Холст, масло. 60x60
- АСТАФЬЕВА Ольга Евгеньевна. 1954
 Утренняя дымка. 2008. Ниткография. 52x76
- АСТРЕЙН Лариса Аркадьевна. 1941
 Осенний циркуляр. 2008. Холст, масло. 60x80
- АФНАНСЬЕВ Валентин Владимирович. 1945
 "Ave Maria" Ф. Шуберта. 2008. Х., акрил. 140x130
- АФНАНСЬЕВА Наталья Владимировна. 1951
 Весна, залив. 2008. Б., акварель. 35x40
- АХАПКИН Сергей Борисович. 1958
 Окно IV. 2008. К., пастель. 57x45
- АХМАДЕЕВА Лариса Амировна. 1974
 На Невском. 2008. Холст, масло. 100x70
- БАЙ ЮЙ. 1983
 Крыши. 2008. Холст, масло. 80x110
- БАДЕЛИНА Светлана Юрьевна. 1962
 Городской сюжет. 2008. Холст, масло. 80x100
- БАРАБАНЩИКОВ Дмитрий Андреевич. 1992
 В Старом городе. 2008. Картон, пастель. 60x70
- БАРАНОВ Дмитрий Владимирович. 1967
 Портрет. Уроки музыки. 2008. Х., м. 55x65
- БАРАНОВА Маргарита Викторовна. 1983
 Портрет девушки. 2008. Холст, масло. 80x61
- БАРЫШЕВ Сергей Викторович. 1963
 Облака. 2008. Холст, масло. 70x50
- БАСИН Анатолий Нисонович. 1936
 Обнаженная. 2008. Холст, масло. 110x120
- БЕЛОУСОВ Сергей Станиславович. 1960
 Каллиграфия. 2008. Люминография. 60x80
- БЕЛЯКОВА Евгения Александровна. 1980
 Дача-бар. 2008. Холст, масло. 65x55
- БЕРЕЗИН Отто Львович. 1937
 Дорога в лесу. 2008. Холст, масло. 61x91
- БИХТЕР Александр Алексеевич. 1951
 Певчие. 2008. Холст, масло. 80x100
- БОГАЧЕВА Алла Константиновна. 1977
 Пришла весна. 2008. Холст, масло. 75x50
- БОГОМОЛОВА Мария Викторовна. 1990
 Мойка. 2008. Воскография. 24x35
- БОГОМЯТКОВА Алиса Александровна. 1980
 Лист. 2008. Холст, масло. 50x60
- БОРИСОВ Виктор Глебович. 1957
 Воины. 2008. Холст, масло. 70x60
- БОРОВКО Елена Викторовна. 1957
 Верона. 2008. Цв. фотография. 30x45
- БОРОДИН Станислав Юрьевич. 1950
 Хельсинки. Утро. 2008. Холст, масло. 41x51,5
- БОЧАРОВА Елена Викторовна. 1972
 Переобувающиеся. 2008. Холст, масло. 104x156
- БРЕХОВ Юрий Николаевич. 1941
 У Староместской ратуши. 2008. Б., акварель. 65x47
- БУРЛАНКОВА Ксения Александровна. 1973
 Автопортрет с кабаном. 2008. К., м. 100x70
- БУРМИСТРОВ Игорь Александрович. 1959
 Большое облако. 2008. Орг., смешан. техн. 122x114
- БУРОВЦОВ Александр Александрович. 1950
 Птицелов. 2008. Холст, масло. 120x100
- БУСАРЕВА Марина Юрьевна. 1964
 Данаида. 2008. Б., монотипия. 55x43
- БЫКОВА-ГОЛДОВСКАЯ Ирина Анатольевна. 1966
 Сестра с братьями. 2008. Б., тушь, перо. 50x40
- ВАЙНМАН-СТОЖАРОВА Галина Моисеевна. 1940
 Сидящая. 2008. Бумага, темпера. 83x61
- ВАН ЧЖЭ. 1983
 Пекин. 2008. Холст, масло. 70x80
- ВАРСОПКО Алексей Викторович. 1963
 Флаг "Октябрь". 2008. Б., печать, коллаж. 30x40
- ВАСИЛЬЕВ Анатолий Николаевич. 1940
 Италия. 2008. Картон, смешан. техн. 124x90
- ВАСИЛЬЕВ Николай Владимирович. 1975
 Без названия. 2008. К., смешан. техн. 210x300
- ВАСИЛЬЕВА Алина Александровна. 1975
 Маленькая балерина. 2008. Холст, масло. 80x60
- ВАСИЛЬЕВА Екатерина Сергеевна. 1987
 Туда-сюда. 2008. Б., цв. линогравюра. 37x47
- ВАСИЛЬЕВА Ирина Геннадьевна. 1970
 Вид Кронштадта из космоса. Тк., кружева. 150x100
- ВАСИЛЬЕВА Наталия Никодимовна. 1953
 Из серии «Зимняя сказка». 2008. Цв. ф/гр. 50x60
- ВАЩИННИКОВА Лилия Александровна. 1959
 А у нас во дворе.. 2008. Холст, масло. 100x90
- ВЕДЕРНИКОВА Светлана Энгельсовна. 1952
 Форель. 2008. Холст, масло. 90x90
- ВЕТРОГОНСКИЙ Андрей Владимирович. 1956
 Тревожный день. 2008. К., масло. 70x90
- ВИГЛИНА Вера Моисеевна. 1959
 Надежда. 2008. Шамот. Н 210

- ВИДЕРМАН Владимир Семенович. 1945
Танец. 2008. Холст, масло. 100x75
- ВИЗИРЯКО Александр Васильевич. 1958
Степной мотив. 2008. Холст, масло. 130x148
- ВИЛЬЧИНСКАЯ Ирма Витольдовна. 1938
Курица. 2008. Керамика. 18x20x10
- ВЛАДИМИРОВ Сергей Викторович. 1962
Анатомия чувств. 2008. Дерево, масло. 34x46
- ВЛАСОВА Елена Васильевна. 1948
Городской романс. 2008. Б., уголь, пастель. 49x69
- ВОЛОСЕНКОВ Феликс Васильевич. 1944
Явление Бога Волоса в виде сумрачного времени. 2008. Х., см. техн.
- ВОЛОСОВ Владимир Давидович. 1937
Осенняя палитра. 2008. Холст, масло. 60x50
- ВОЛЧЕК Лика Владимировна. 1961
Тайна зачатия. 2008. Холст, акрил. 200x160
- ВОРОНКОВА Татьяна Анатольевна. 1957
Из жизни музеев. Тень. 2008. Холст, масло. 90x100
- ВОРСМАН Виктор Александрович. 1948
Дети гласности. 2008. Фотография. 45x30
- ВЭНГО Светлана Леонидовна. 1983
Сумка «Солнце». 2008. Ручн. шитье. Тк., оленин мех. 25x25
- ВЯЧЕСЛАВОВА Любовь Николаевна. 1976
Грезы. 2008. Холст, масло. 75x75
- ГАВРИЧКОВ Михаил Алексеевич. 1963
Богатырь. 2008. Холст, акрил, 160x50
- ГАДАЛОВА Мария Олеговна. 1963
Натюрморт с попугаем. 2008. Б., гуашь. 42x58
- ГАЛЕРКИНА Елена Александровна. 1948
На Востоке. 2008. Бумага, коллаж. 80x60
- ГАНИЕВА-ЛАПТЕВА Асия Тагировна. 1982
Банька топится. 2008. Б., акварель. 43x60
- ГАРДЕ Владимир Львович. 1973
Белые цветы в прозрачной вазе. 2008. Х.,м. 85x95
- ГЕННАДЬЕВА Алиса Андреевна. 1977
Адронный коллайдер. 2008. Х., смеш. техн. 180x200
- ГЕРАСИМОВ Александр Николаевич. 1955
Успение Миллениума. 2008. Холст, смеш. техн. 160x140
- ГЕРМАН Наталья Дмитриевна. 1964
Зима в Бретани. 2008. Холст, масло. 70x75
- ГИЛЯЧЕТДИНОВ Роман Хосяинович. 1984
Алиса. 2008. Цв. фотография. 30x30
- ГИНДПЕР Евгений Анатольевич. 1949
Зима. 2008. Холст, масло. 96x110
- ГЛАДКАЯ Евгения Александровна. 1976
Портрет Варвары. 2008. Холст, масло. 120x100
- ГЛАЗОВ Игорь Валерьевич. 1975
Вознесение Ильи-пророка. 2008. К., см. техн. 65x40
- ГЛЕБОВА Галина Валерьевна. 1981
Натюрморт. 2008. Х., акрил. 80x51
- ГНЕДИН Михаил Андреевич. 1981
Indian. 2008. Холст, масло. 80x90
- ГОДЕС Олег Залманович. 1946
Сизиф. 2008. Гипс патинир. 100x90x30
- ГОЛИКОВА Евгения Станиславовна. 1987
Вид на Синопскую набережную. 2008. Х., м. 80x100
- ГОЛОВАЧЕВ Борис Федорович. 1939
Максимова. Упавший тополь. 2008. Х., м. 90x130
- ГОЛОМАЗОВ Александр Александрович. 1958
Кочевник. 2008. Холст, масло. 84x100
- ГОЛУБЕВА Лариса Александровна. 1951
У двери. 2008. Холст, масло. 93x86
- ГОРОХОВА Евгения Михайловна. 1984
Люпины. 2008. Холст, масло. 50x60
- ГОРСКАЯ Юлия Сергеевна. 1939
В Ботаническом саду. 2008. Холст, масло. 75x100
- ГОРЯЕВ Александр Николаевич. 1952
Пейзаж. 2008. Холст, масло. 80x130
- ГОРЯЧЁВ Дмитрий Николаевич. 1966
Портрет художника Вл. Тихомирова. 2008. Фотоколлаж. 50x40
- ГОРЯЧЁВА Надежда Владимировна. 1976
Дед Мазай и зайцы. 2008. Б., пастель. 60x80
- ГРИГОРЬЕВ Игорь Витальевич /ДРЮППЭ/. 1962
Рассвет на Луге. 2008. Холст, масло. 120x120
- ГРОЛЬМАН Леонид Яковлевич. 1947
Межпланетный троллейбус. 2008. Объект. 28x20x57
- ГУСЕВ Юрий Александрович. 1939
Лот. 2008. Холст, темпера. 30x50
- ГУЩИН Александр Кириллович. 1966
Шекспир? Шакспер?. 2008. Холст, масло. 70x55
- ГЮЛАЗЯН Роберт Патваканович. 1947
Летний натюрморт. 2008. Холст, масло. 80x65,7
- ДАЛМАТОВ Александр Александрович. 1947
Невские дни. 2008. К., масло. 50x70
- ДАШЕВСКИЙ Александр Михайлович. 1980
Интерьер 2008. Холст, масло. 80x180
- ДАШКИНА Соня Кялемуловна. 1958
Движение. 2008. Холст, масло. 52x80
- ДЕЕВ Михаил Зинурович. 1982
Невидимое, но постоянное. 2008. Х.,м. 115x115
- ДЕЙНЕКО Аксана Юрьевна. 1983
Человек. 2008. Цв. фотография. 50x70
- ДЕНИСОВА Юлия Вячеславовна 1978
Игра. 2008. Стекло, свободное выдувание
- ДЕМИДЕНКО Юлия, ЧАБУТКИН Станислав
Песнь о нижнем белье. 2008. Фотоколлаж. 106x76
- ДЖИГИРЕЙ Алла Александровна. 1964
Девочка за дверью. 2008. Б., темп. 50x65
- ДИАС СИЛЬВА Паола Нельсоновна. 1981
Одиночество вдвоем. 2008. Холст, масло. 75x60
- ДИВИНА Надежда Алексеевна. 1953
Тулянке. 2008. Холст, масло. 50x60
- ДОБАШИНА Любовь Васильевна. 1943
Средства коммуникации. 2008. Мет., см. техн. Н 80
- ДОЛИНСКИЙ Люциан. 1942
Женский портрет. 2008. Холст, масло. 79x58
- ДОМИНОВ Рашид Рауфович. 1946
Собака у катинь. 2008. Холст, масло. 80x100
- ДРИГО Евгения Юрьевна. 1962
Белая ночь. 2008. Холст, масло. 60x80
- ДУБРОВИН Федор Геннадьевич. 1985
Муха и Пантелеймоновка. 2008. К., масло. 68x48
- ДУВАНОВА Людмила Сергеевна. 1982
Весенний город. 2008. Холст, масло. 50x60
- ДУДИНА Ирина Викторовна. 1966
Друиды мстят убийцам леса. 2008. Квилт. 150x200

- ДУТОВА Екатерина Александровна. 1976
Натюрморт. 2008. Витраж. Стекло, свинец. 60x42
- ДЯДЧЕНКО Игорь Вячеславович. 1953
Самбистский поцелуй. 2008. Дерево. 70x50x60
- ДЯДЮЧЕНКО Юрий Павлович. 1932
Две белых, две в черном. 2008. Фото, печать на холсте
- ЕВРАЖКИН Алекс. 1965
Дом Настасьи Филипповны. 2008. Х., м. 60x70
- ЕВСИН Сергей Леонидович. 1960
Пейзаж с двумя фигурами. 2008. Холст, масло. 50x70
- ЕГОРОВА Марина Сергеевна. 1968
Петр (Портрет сына). 2008. Х., масло. 60x80
- ЕГОШИНА Вера Алексеевна. 1982
Настурция. 2008. Холст, масло. 75x85
- ЕГОРОВСКИЙ Дмитрий Вадимович. 1965
Гололед или Первое января. 2008. Х., м. 110x70
- ЕДОМСКИЙ Михаил Александрович. 1964
Встреча. 2008. Дерево, подкраска. Н 172
- ЕЖКОВА Екатерина Валентиновна. 1977.
Возвращение. 2008. Холст, темпера 160x100
- ЕЛИНЕР Евгений Эдуардович. 1960
Уныние. 2008. Фотография. 60x40
- ЕНГАЛЫЧЕВ Леонид Осипович. 1960
Фата-моргана. 2008. Холст, акрил. 100x140
- ЕРЛИНА Екатерина Александровна. 1985
Утро в Петербурге. 2008. Б., гуашь, акрил. 50x70
- ЕРМОЛАЕВ Денис Юрьевич. 1973
Без названия. 2008. Фотография. 50x60
- ЕРШОВ Игорь Юрьевич. 1958
Шахматисты. 2008. Холст, масло. 65x80
- ЕФРЕМОВ Александр Петрович. 1951
Хозяин кабачка (Спектакль «Дон-Кихот») 2008. Х., м. 90x80
- ЖАБИНА Тамара Алексеевна. 1945
Вечерком у печки. 2008. Х., масло. 55x70
- ЖЕЛУДЬ Анна. 1981
Забор. 2008. Картон, темпера. 80x100
- ЖУКОВ Владимир Васильевич. 1933
Композиция в желтом. 2008. Х., м. 60x50
- ЖУРКО Олег Александрович. 1975
Утро. 2008. Бумага, масло. 52x60
- ЗАБИРОХИН Борис Павлович. 1947
Улица Ленина. 2008. Холст, масло. 60x73
- ЗАЙКОВСКАЯ Дана Викторовна. 1988
Поутру. 2008. Б., литография. 40x50
- ЗАЙЦЕВ Александр Павлович. 1937
Лот с дочерьми. 2008. Х., м. 119x88
- ЗАЙЦЕВ Федор Александрович. 1985
Пейзаж с желтыми деревьями. 2008. К., масло. 50x65
- ЗАЙЦЕВА Марина Павловна. 1947
Старый сарай. 2008. Фотография. 30x45
- ЗАПОРОЖЕЦ Ирина Федоровна. 1964
Соседи. 2008. Холст, масло. 50x50
- ЗАРЕЦКАЯ Юлия Михайловна. 1965
Счеты. 2008. Холст, масло. 40x70
- ЗАСЛАВСКАЯ Полина Анатольевна. 1984
.Лиза Мария Таисия. 2008. К., акрил. 100x80
- ЗАСЛАВСКИЙ Анатолий Савельевич. 1939
Супруги Натаревич. 2008. Холст, масло. 100x80
- ЗАСТАВСКИЙ Александр Сергеевич. 1976
Полдень. 2008. Холст, масло. 140x88
- ЗАХАРОВ Олег Владимирович. 1964
Портрет Велимира Хлебникова. 2008. Х., м. 120x100
- ЗАХАРОВА Нина Владимировна. 1960
Лебязья канавка. 2008. Б., акварель. 28x29
- ЗАХАРОВА Лариса Вячеславовна. 1977
Сон. 2008. Шамот, дымление. Н 60
- ЗВЕРЛИН Юрий Борисович. 1955.
Караван. 2008. Б., монотипия. 70x90
- ЗЕЛЕНЕВ Владимир Иванович. 1969
Рекламная пауза. 2008. Эмаль, медь, латунь. 36x38
- ЗЕНКОВ Алексей Владимирович. 1973
Рожь. 2008. Холст, масло. 20x30
- ЗИЗЮЛИН Сергей Николаевич. 1958
Канатоходец. 2008. Люминография. 60x80
- ЗИНОВЬЕВ Олег Ефимович. 1937
Сиреневая сюита. 2008. Б., акварель. 40x50
- ЗИНШТЕЙН Арон Иосифович. 1947
Семейная сцена. 2008. Холст, масло. 90x90
- ЗЛАТКИН Александр Ефимович. 1954
Яблоневый цвет. 2008. Холст, масло. 60x70
- ЗЫКИНА Анастасия Александровна. 1978
Илл. к прозе Л. Андреева. 2008. Б., офорт, см. техн. 28x40
- ИВАНОВ Виктор Борисович. 1948
Падение Икара. 2008. Холст, масло. 100x70
- ИВАНОВ Владимир Николаевич. 1961
Фонтанка. 2008. Б., акварель. 48x65
- ИВАНОВ Игорь Васильевич. 1934
Драконы розы. 2008. Х. на фанере, левкас, м. 97x72
- ИВАНОВ Михаил Константинович. 1944
Портрет Н.В. 2008. Холст, масло. 60x 50
- ИВАНОВА Юлия Николаевна. 1944
Двое с собачкой. 2008. Х., м. 85x60
- ИВАНЧЕНКО Дмитрий Семенович. 1952
Путник. 2008. Б., офорт. 16x24
- ИЕВЛЕВА Галина Петровна. 1938
Портрет Яна Карловича. 2008. Бетон. 39x22x18
- ИЕРАФИЛОВА Василия Фаатовна. 1981
Каллиграфия Р. 2008. Б., тушь, перо. 59x84
- ИЗМАЙЛОВ-ОБОДОВСКИЙ Кирилл Георгиевич. 1974
Дом. 2008. Фотография. 50x40
- ИКОННИКОВА Анна Моисеевна. 1950
К экранизации В.Шаламова. 2008. Х., м. 40x50
- ИЛЬИН Константин Витальевич. 1961
Летом. 2008. Холст, масло. 50x60
- ИНОЧКИНА Любовь Григорьевна. 1960
Тайна. 2008. Холст, масло. 100x70
- ИСАКОВА Светлана Николаевна. 1941
Водоканал зимой. 2008. Б., акварель. 63x75
- ИЩЕНКО Александр Владимирович. 1972
Горы Туниса. 2008. Холст, масло. 64x81
- КАГАНСКИЙ Игорь Борисович. 1929
Вертикали. 2008. Бумага, коллаж. 60x70
- КАДИНСКИЙ Олег Абрамович. 1954г.
Утро. Цв. фотография. 45x34
- КАДУРИНА Вера Дмитриевна. 1984
Жестокий романс. 2008. Х., смешан. техн. 45x60

КАЗИМОВ Станислав Юрьевич. 1979
Трапеза. 2008. Холст, акрил. 50x80
КАЙШАУРИ Марина Нодаровна. 1956
Эскиз костюмов к т/ф «Сказки на Рождество». К., см. техн.
КАМИНКЕР Александра Дмитриевна. 1975
Натюрморт. 2007. Шамот, глазури, соли. Н 60
КАМИНКЕР Дмитрий Давыдович. 1949
Рим III. 2007. Дерево, гранит, металл. 230x300x300
КАМИНКЕР Дмитрий Давыдович. 1949
Рим III. 2007. Дерево, гранит, металл. 230x300x300
КАНТОРОВ Павел Александрович. 1970
Огни. 2008. Люминография. 80x60
КАРАСЕВА Лариса Владимировна. 1974
Кораблики. 2008. Холст, масло. 75x 105
КАРЛЫХАНОВ Николай Александрович. 1955
Поющий. 2008. Шамот, высокий обжиг. Н 70
КАРЛЫХАНОВА Светлана Валентиновна. 1951
Ангел с чашей. 2008. Шамот, выс. обжиг Н 76
КАРПОВ Леонид Викторович. 1973
Утро. 2008. Холст, масло. 87x174
КАРПУШЕНКОВ Александр Константинович. 1955
Укромный уголок. 2008. Холст, масло. 100x70
КАРТАШОВА Алла Евгеньевна. 1985
Мегаполис. 2008. Б., офорт. 24x34
КАСЬЯНОВ Сергей Владимирович. 1958
Крылья. 2008. Орг., смешан. техн. 180x54
КЕРЖЕНЦЕВА Александра Олеговна. 1987
Колодец. 2008. Б., тушь, кисть. 49x68
КИКНАДЗЕ Янина Сергеевна. 1969
Осенний туман. 2008. Холст, масло. 60x80
КИМ Наталья Витальевна. 1953
Март. 2008. Холст, масло. 59x50
КИПАРИСОВ Леонид Георгиевич. 1964
Пляжные девочки. 2008. Холст, масло. 75x80
КИРЬЯНОВ Алексей Федорович. 1955
Последний портрет. 2008. Фотография. 100x80
КЛОПОВА Людмила Михайловна. 1947
Подсолнухи. 2008. Мулине, вышивка. 74x45
КЛЮШНИК Наталия Васильевна. 1957
Цветы во дворе. 2008. Холст, масло. 60x70
КОВЕНЧУК Георгий Васильевич. 1933
Солдат в метро. 2008. Баннер, м. 120x120
КОВЕНЧУК Жанна Михайловна. 1940
Натюрморт. 2008. Холст, масло. 100x80
КОЗЛОВ Борис Алексеевич /БАК/. 1931
Петроградская сторона, ул. Воскова. 2008. К., м. 56x77
КОЛИБАБА Леонид Яковлевич. 1946
Камин-стол. 2008. Дерево, левкас, огонь. 70x60x60
КОЛЛЕГОВА Дарья Александровна. 1960
Груши. 2008. Холст, масло. 76,5x127
КОЛЯДИНА Ольга Леонидовна. 1982
Черепашка. 2008. Б., линогравюра. 60x80
КОМАРОВА Надежда Константиновна. 1964
Осеннее танго. Рождественно. 2008. Х., м. 70x85
КОМЕЛЬФО (Фомичев В.М. 1953, Норина З.М. 1957)
Очень перспективная картина. 2008. Х., см. техн. 100x120
КОМИССАРОВ Вадим Викторович. 1982
Астрологический портрет. 2008. Х., темпера. 149x148

КОНАКОВ Игорь Владимирович. 1962
Полет. 2008. К., смешан. техн. 48x36
КОНДРАТЬЕВ Александр Валентинович. 1950
Пьяный на телеге. 2008. Х., акрил. 104x156
КОННИКОВ Петр Петрович. 1955
Путники. 2008. Холст, масло. 110x150
КОНРАДТ Дмитрий. 1954
Без названия. 2008. Цв. фотография. 50x70
КОНТОНИСТОВА Светлана Ивановна. 1984
***. 2008. Фотография. 40x60
КОПЕЙКИН Николай. 1966, КАГАДЕЕВ Андрей. 1961
Млечный путь-Планета Земля-Бизнес-центр "Глобус". Инст-я
КОПЫЛОВА Ксения Николаевна. 1983
Крик. Холст, акрил, чернила, алебастр. 2008. 100x100
КОРНИЛОВ Геннадий Николаевич. 1937
Предчувствие весны. 2008. Глина, глазури. Н 150
КОРНИЛОВА Калерия Викторовна. 1986
Город. Утро весны. 2008. Ч/б фотография. 50x60
КОРОЛЕВ Александр Николаевич. 1962
Обнаженная. 2008. Холст, масло. 80x60
КОРОЛЕНКО Станислав Макарович. 1946
В метро. 2008. Холст, масло. 80x80
КОРОЛЬЧУК Андрей Александрович. 1961
Аллея. 2008. Холст, масло. 53x43
КОШЕЛОХОВ Борис Николаевич. 1942
Диалог. 2008. Холст, масло. 180x200
КРАВЧЕНКО Марина Владимировна. 1975
Портрет Марии. 2008. Фотография. 30x40
КРАСИЛЬНИКОВА Татьяна Николаевна. 1938
Над Днепром. 2008. Холст, масло. 60x49
КРАСНАЯ Анна Михайловна. 1984.
Амели. Из сер. «Кадры из фильмов». 2008. Х., м. 60x80
КРУГЛОВ Александр Сергеевич. 1952
Сарайчик. 2008. Холст, масло. 40x50
КУЗНЕЦОВ Андрей Алексеевич. 1957
На Екатерингофке. 2008. Холст, масло. 50x78
КУЛИК Игорь Иванович. 1956
«Девочки, мы вне зоны». 2008. Б., акрил. 55x75
КУЛЬБИН Алексей Георгиевич. 1961
Двери. 2008. Холст, масло. 90x130
КУПИН Борис Павлович. 1939
Композиция. 2008. Картон, масло. 50x69
КУПРИЯНОВ Виктор Гаврилович. 1945
Старая ель. 2008. Холст, масло. 70x80
КУРАКОВА Надежда Витальевна. 1980
Драйв шторма. 2008. Алюминий. Н 230
КУРЕНКОВА Тамара Александровна. 1950
Ромео и Джульетта. 2008. Керамика, смеш. техн. 12x22
КУЧЕРЕНКО Наталья Всеволодовна. 1954
Из окна мастерской. 2008. Х., м. 40x46
ЛАВРЕНТЬЕВ Владимир Сергеевич. 1947
Ледоход у крепости «Орешек». 2008. Б., акв. 53x70
ЛАГУТИН Петр Николаевич. 1952
Золотой телец 2008. Холст, масло. 98x97
ЛАЙТ Светлана, ЛОПЕР Михаил
Непознанная вселенная. 2008. Х., м, 30x50
ЛАМБЕРТ Арнольд Мартинович. 1927
Шепелевский маяк. 2008. Б., акв. 34x45

- ЛЕБЕДЕВ Михаил Александрович. 1959
Без названия. 2008. Фотография. 40x60
- ЛЕЙБОВИЧ Феликс Ильич. 1939
Текстильные тексты II. 2008. Батик. 160x80
- ЛЕЩИНСКИЙ Кирилл Валентинович. 1966
Церкви. 2008. Холст, масло. 121x110
- ЛИНЦБАХ Юлия Евгеньевна. 1959
Двое. 2008. Холст, масло. 70x40
- ЛИ ЦЗИ ФЭЙ. 1979
Fly. 2008. Гипс.. 80x30x30
- ЛИ ШИ. 1986
Утро. 2008. Х., м. 50x45
- ЛИПАК Василий Юрьевич. 1945
Прогулка. 2008. Холст, масло. 60x70
- ЛОГУШ Мария Сергеевна. 1982
Порт. 2008. Холст, масло. 50x70
- ЛУККА Валерий Николаевич. 1945
Композиция. 2008. Холст, смешан. техн. 110x90
- ЛЫСЕНКО Александр Александрович. 1953
Поклонение. 2008. Фотография. 40x60
- МАЗАР Лоран. 1968
Сова. 2008. Инсталляция. 150x100
- МАЙСТРЕНКО Анна Владиславовна. 1970
Ирисы на окне. 2008. Холст, масло. 70x50
- МАКАРОВ Николай Валерьянович. 1976
Портрет. 2008. Объект. 150x150x150
- МАМКАЕВА Мария Алексеевна. 1981
Припарковалась. 2008. Оргалит, масло. 60x60
- МАНУКЯН Грета Гургеновна. 1950
Осень. 2008. Холст, масло. 85x70
- МАРГУШЕВ Залимхан Анатольевич. 1985
Пейзаж с быком. 2008. Холст, масло. 50x70
- МАРГУШЕВА Ирина Александровна. 1978
Сирень. 2008. Холст, масло. 54x65
- МАРКУС Анна. 1958
Освоение космоса /"Ящерицы пандоры"/. 2008. Пластик. 150x100
- МАРКУЛЬ Дмитрий Борисович. 1949
Лето. 2008. Холст, масло. 50x60
- МАРТИНСОН Борис Мартинович. 1936
Орфей и Эвридика. 2008. Оргалит, масло. 73x120
- МАРТЬЯНОВА Иоанна Дмитриевна. 1980
Канна Галилейская. 2008. Холст, масло. 60x80
- МАРЧЕНКО Вячеслав Петрович. 1952
Достоевский. 2008. Холст, масло. 130x80
- МАСЛОВ Анатолий Алексеевич. 1938
Натюрморт. 2008. Холст, масло. 50x70
- МАТКОВСКАЯ Христина Андреевна. 1983
Сверхновый порядок. 2008. Холст, смешан. техн. 50x60
- МАТРОСОВ Александр Павлович. 1965
Интроверсия. 2008. Фотография. 60x80
- МЕДВЕДЕВ Александр Васильевич. 1957
Нон-стоп модели. 2008. Бумага, темпера. 180x180
- МЕДВЕДЕВ Юрий Александрович. 1939
Раздумия. 2008. Левкас, масло. 79x89
- МЕЛЬНИКОВ Всеволод Михайлович. 1948
Мамонтенок. 2008. Дерево, мрамор. 10x12x12
- МЕЖИРОВ Юрий Александрович. 1933
Пасха. 2008. Холст, масло. 95x83
- МЕЛЬНИКОВА Марианна Валерьевна. 1974
Феодосия. Бархатный сезон. 2008. Ч/б фото. 50x70
- МЕРЕЖКО Дарья Юрьевна. 1986
Лодки в Балаклаве. 2008. Б., темпера. 40x50
- МИКУЛЬСКИЙ Станислав Юрьевич. 1956
Цветы. 2008. Холст, масло. 40x30
- МИФ Роберт. 1966
Красные крыши. 2008. Холст, масло. 100x80
- МИХАИЛОВ Антон Вячеславович. 1974
Вечер. 2008. Холст, акрил 60x80
- МИХАЙЛОВ Вячеслав Саввич. 1945
Натюрморт. 2008. Х., акрил, левкас. 60x70
- МИХАЙЛОВА Лидия Алексеевна. 1942
Вячеслав Михайлов. Афины. 2008. Фотография. 70x50
- МИХАЙЛОВ Павел Алексеевич. 1979
Буксир. 2008. Холст, масло. 80x60
- МИХАЙЛУЦА Владимир Петрович. 1957
Композиция-6. 2008. Люминография. 80x60
- МИШИН Андрей Валерьевич. 1964
Царь горы. 2008. Бронза, литье 38x21x11
- МИШИН Валерий Андреевич. 1939
Ловля креветок. 2008. Холст, масло. 100x120
- МИШИНА Аполлиария Андреевна. 1987
Проводник. 2008. Б., офорт. 33x26
- МОЛОДКОВЕЦ Юрий Алексеевич. 1963
Из серии "Мрамор". 2008. Ф/гр., ручн. печать. 80x60
- МОРОЗОВ Валерий Николаевич. 1953
Пирсинг. 2008. Холст, масло. 180x150
- МОСКОВСКАЯ Светлана Витальевна. 1956
Огненный. 2008. Холст, масло. 60x80
- МУЗЫРИНА Ирина Анатольевна. 1972
Вечерняя прогулка. 2008. Холст, масло. 80x50
- МУСТАФИНА Эльмира Амировна. 1977
Вид из окна. 2008. Бумага, акварель. 50x65
- МУХИНА Дарья Генадьевна. 1975
Римские каникулы. 2008. Б., акварель 50x70
- МЫМРИН Виктор Михайлович. 1939
Глоксиния. 2008. Холст, масло. 65x55
- НАЗАРОВА Ирина Алексеевна. 1981
Коллекция коллекционеров. 2008. Х., м. 120x105
- НАШИВОЧНИКОВ Юрий Алексеевич. 1922
Равновесие. 2008. Оргалит, акрил. 100x200
- НЕБЕСНОВ Даниил Александрович. 1987
Одиночество. 2008. Фотография. 40x60
- НЕВЕРОВ Михаил Петрович. 1958
Старый город. 2008. Бумага, акварель. 49,5x40
- НЕКРАСОВ Александр Михайлович. 1955
Тайная вечеря. 2008. Холст, масло. 60x70
- НЕКРАСОВ Сергей Михайлович. 1964
Дорога. 2008. Холст, масло. 45x50
- НИТИШИНСКИЙ Александр Яковлевич. 1944
Рождение торнадо. 2008. Б., пастель. 40x50
- НОСОВ Александр Кириллович. 1947
Сельское кладбище в Ахалдаба. 2008. Б., паст. 80x65
- ОВАНЕСЯН Юлия Александровна. 1985
Предрассветное. 2008. Холст, масло. 40x40
- ОВЧИННИКОВА Александра Ивановна. 1974
Раннее утро. Петроградка. 2008. Х., масло. 80x100

- ОГНЕВ Дмитрий Анатольевич. 1963
 Летом. 2008. Бумага, акрил. 85x65
 ОМИНИНА Екатерина Игоревна. 1957
 Вечер на взморье. 2008. Кер., дер., алюминий. Н 23
 ОРЛОВ Евгений Михайлович. 1952
 Чтение книг. 2008. Холст, масло. 162,5x325
 ОРЛОВ Илья Сергеевич. 1973
 Грузовик у газгольдера. 2008. Гофрокарт., темп. 73x87
 ОСМИЕВ Михаил Асхабович. 1947
 Абстрактная композиция. 2008. Х., м. 113x94
 ПАВЛОВ Валерий Федорович. 1953
 Из цикла "Конструировать-мечтать-фантазировать".
 2008. Б., черн. акв. 60x80
 ПАВЛОВА Лариса Владиславовна. 1973
 Одинокий олень. 2008. Сплендорлюкс. 50x70
 ПАНКИН Александр Данилович. 1949
 Восточный танец. 2008. Холст, масло. 90x91
 ПАННЕВИЦ Иван Ардалионович. 1961
 Фотоконструктивизм. 2008. Сканография. 50x60
 ПАНТЕЛЕЕВ Юрий Степанович. 1953
 Северный пейзаж. 2008. Цв. фотография. 50x70
 ПАНЮКОВА Лада Ивановна. 1970
 Городской пейзаж. 2008. Бумага, темпера. 60x70
 ПАРШИКОВ Владимир Петрович. 1937
 Без названия. 2008. Холст, масло. 100x70
 ПЕРФИЛЬЕВА Нина Борисовна. 1954
 Осень 2007 года. 2008. Х.м. 60x70
 ПЕТРОВ Леонид Леонидович. 1971
 Лес №12. 2008. Холст, акрил. 102x128
 ПИЛЮГИНА Анастасия Ивановна. 1984
 Деревня Любонь. 2008. Б., линогравюра. 23x30
 ПИЧУГИН Павел Валентинович. 1967
 Осенний портрет. 2008. Холст, масло. 60x50
 ПИРЕ Марсель. 1955.
 В кафе. 2008. Картон, масло. 80x60
 ПОЗИН Александр Владиславович. 1957
 Pro и Contra. 2008. Дерево. 200x200
 ПОЗИНА Инна Александровна. 1979
 Пульт управления. 2008. Фанера, б. 100x100x100
 ПОЛИЩУК Ольга Джоновна. 1957
 Геометрия. 2008. Холст, масло. 60x60
 ПОЛЯКОВ Константин Геннадьевич. 1973
 Шушно. 2008. Оргалит, масло. 90x122
 ПОПОВ-ПРАВОКУМСКИЙ Алексей Алексеевич. 1970
 В городе туман. 2008. Холст, масло. 100x70
 ПОПОВА Елена Александровна. 1968
 Тени. 2008. Б., офорт, меццо-тинто. 19,7x25
 ПОРОТОВА Ксения Андреевна. 1986
 Вилка. 2008. Бивень мамонта, резьба. 127,5
 ПОТАНСКИЙ Стефан Степанович. 1952
 Пришла весна. 2008. Холст, масло. 100x73
 ПРАДЕД Марина Александровна. 1984
 Салют. 2008. Холст, масло. 75x50
 ПРИМЕРОВ Валерий Юрьевич. 1961
 Сон. 2008. Бумага, акрил. 20x30
 ПРОСЯННИКОВ Дмитрий Леонидович. 1985
 Сенная. 2008. Холст, масло. 90x100
 ПРОШКИН Владимир Викторович. 1931
 В Петербурге. 2008. Холст, масло. 72x78
 ПУД Афанасий (Файнзильбер Е.П.). 1951
 Первый полет. 2008. Digital art. 120x80
 ПУШКАРЕВ Федор Борисович. 1988
 Рыба. 2008. Металл. Н 50
 ПУШКАРЕВА Елена Васильевна. 1952
 Итальянские впечатления. 2008. Коллаж. 70x75
 РАСИМУС Мария. 1968
 Без названия. 2008. Холст, масло. 80x40
 РАССАДИН Леонид Олегович. 1962
 Голубая ваза на круглом столе. 2008. ДВП, м. 50x40
 РЕВЧУК Зинаида Кирилловна. 1944
 Квинтэссенция. 2008. Холст, масло. 50x70
 РОМАНОВ Вячеслав Евдокимович. 1952
 Цвета осени. 2008. Холст, масло. 60x80
 РОМАНОВА Екатерина Вячеславовна. 1983
 Крым. 2008. Холст, масло. 50x60
 РОТАНОВ Евгений Никитич. 1940
 Венера. 2008. Бронза. Н 172
 РОТАНОВ Никита Евгеньевич. 1966
 Петух. 2008. Фанера, акрил, темп. 76x76
 РОХЛИН Александр Моисеевич. 1954
 Армянская улица в Иерусалиме. 2008. Х., м. 80x55
 РУДЖИЕВА Мария Викторовна. 1985
 Жозквара. 2008. Б., масл. пастель. 55x70
 РУЛЕВ Сергей Николаевич. 1956
 Из серии «Утекающий город». 2008. Ф/гр. 50x60
 РУМЯНЦЕВ Александр Васильевич. 1951
 В бане. 2008. Холст, масло. 80x100
 САЕНКО Дмитрий Русланович. 1965
 Объект №37 / «Забытая музыка». 2008. Дер, см. техн. 26x134
 САЖИН Сергей Юрьевич. 1976
 Натюрморт с кофейником. 2008. Орг., см. техн. 50x60
 САМОЙЛОВА Людмила Олеговна. 1975
 Вечерний сад. 2008. Б., акрил. 79x50
 СЕМЕНОВ Борис Алексеевич. 1939
 Михаил Романов. 2008. Холст, масло. 140x100
 СЕМЕНОВА Вероника Евгеньевна. 1980
 Роза. 2008. Х., м., акрил. 50x40
 СЕМЕНОВА Елена Николаевна. 1984
 Пасхальный натюрморт. 2008. Б., линогравюра. 43x40
 СЕРГИЕНКО Ирина Евгеньевна. 1958
 Петроглиф. 2008. Холст, масло. 50x70
 СИВЕРЦЕВ Сергей Иванович. 1934
 Куст пиона. 2008. Орг., масло. 73x57
 СИДОРЕНКОВА Галина Тихоновна. 1951
 Солнечный день. 2008. Холст, масло. 40x50
 СИМОНОВСКИЙ Леонид Меерович. 1932
 Осенний луг. 2008. Бумага, акварель. 60x80
 СИМОНОВСКИЙ Николай Леонидович. 1958
 Архангел. 2008. Фотография, смешан. техн. 76x76
 СИМУНИ Александр Борисович. 1947
 Стриптиз старого дома. 2008. Б., масл. паст. 91x65
 СИРЕНКО Виктор Владимирович. 1954
 Возращивание камней. 2008. Камень, смеш. техн. 55x310
 СКЛЯРЕВСКАЯ Инна Робертовна. 1963
 Вечер. 2008. Бумага, гуашь. 61x86

- СЛАДКОВ Андрей Васильевич. 1944
 41-й размер. 2008. Фотография. 50x60
 СЛЕПЫШЕВА Настя. 1971
 Мальта. 2008. Холст, масло. 100x80
 СМИРНОВ Геннадий Алексеевич. 1957
 Весна. 2008. Холст, масло. 50x70
 СМИРНОВА-САВРАСОВА Наталья. 1968
 Певица. 2008. Холст, масло. 120x100
 СМОЛОВИК Алексей Владимирович. 1965
 Фонтанка. 2008. Холст, масло. 60x40
 СОКОЛОВ Евгений Викторович. 1985
 Материнство. 2008. Мрамор. 25x20x15
 СОКОЛОВА-ЗАЙЦЕВА Вера Константиновна. 1959
 Зимняя канавка. 2008. Холст, масло. 36x50
 СОЛОВЬЕВ Иван Степанович. 1944
 Криптоколониальная каллиграфия. 2008. Х. на к., м. 50x70
 СОЛОВЬЕВА Полина Игоревна. 1987
 Jazz. 2008. Б., цв. линогравюра. 20x20
 СОПИНА Юлия Викторовна. 1968
 Фаина. 2008. Холст, масло. 100x70
 СОРОКИН Павел Вячеславович. 1985
 Деревенский дворик. 2008. Б., см. техн. 58x40
 СПИВАК Марина Львовна. 1955
 Дверь. 2008. Дерево, гипс, масло. 210x75x60
 СТОЛБОВ Александр Сергеевич. 1929
 Мария Ивановна. 2008. Холст, масло. 81x67
 СТОЛЫПИН Андрей Владимирович. 1963
 "Конструкция Стачек" (фантазия 2). Х., см. техн. 60x80
 СТРЕЛЬНИКОВА Елизавета Борисовна. 1960
 Дева. 2008. Шамот, керамика. 60x30
 СУВОРОВА Кира Иннокентьевна. 1931
 Рая. 2008. Дерево. 90x26x20
 СУЗДАЛЬЦЕВ Варфоломей Владимирович. 1951
 Мойка. Апрель. 2008. Холст, масло. 50x66
 СУЛА Роман Александрович. 1983
 Шепот духов. 2008. Люминография. 60x80
 СУХАНОВА Анастасия Александровна. 1976
 Ржавки. 2008. Холст, акрил. 40x50
 СЫСОЕВА Лидия Павловна. 1938
 На краю. 2008. Холст, масло. 40x50
 СЫЧЕВ Николай Викторович. 1948
 Турбулентность. 2008. Бумага, карандаш. 70x100
 ТАЖИБАЕВ Марат. 1940
 Портрет Жореса Телова. 2008. Холст, масло. 60x70
 ТАЗЕТДИНОВА Владислава Дамировна. 1975
 Старая вещь. 2008. Фотография. 30x40
 ТАРАН Елена Евгеньевна. 1981
 В Летнем саду. 2008. Принт. 18x400
 ТАРАСЮК Иван Иванович. 1957
 Девушка с маской. 2008. Шамот, глазури, эмаль. Н 70
 ТЕПЛЫЙ Николай Иванович. 1948
 Композиция 05-08. 2008. Холст, масло. 80x60
 ТИТОВ Дмитрий Дмитриевич. 1971
 Компас планеты. 2008. Х, м., металл. 140x180
 ТИХОМИРОВ Виктор Иванович. 1951
 Конфеты. 2008. Холст, масло. 200x300
 ТИХОНОВ Сергей Владимирович. 1983
 Юность. 2008. Холст, масло. 200x150
 ТИХОНОВА Ирина Николаевна. 1965
 В поезде. 2008. Холст, масло. 60x70
 ТКАЧЕНКО Павел Александрович. 1947
 Миша и Саня. 2008. Дерево. 100x150
 ТОНКУШИН (КОВЦУР) Алексей Владимирович. 1957
 Подруги. 2008. Холст, масло. 80x89
 ТРЕГУБЕНКО Мария Сергеевна. 1962
 Набережная Мойки. 2008. Картон, масло. 60x92
 ТРЕТЬЯКОВ Владимир Михайлович. 1952
 Грезы. 2008. Холст, масло. 100x80
 ТРИЗНА Александра Юрьевна. 1980
 Из серии «Норвегия». 2008. Картон, масло. 60x80
 ТРОФИМОВА Мария Владимировна. 1957
 Мария. Портрет. 2008. Мрамор. 45x25x23
 ТРУБЕЦКАЯ Валерия Ярославовна. 1945
 Странник. 2008. К., масло. 80x40
 ТУЛИЧЕВА Татьяна Михайловна. 1963
 Ночь 08. Из серии "Ботаника". Х., м. 100x80
 ТУМИН Марк Ефимович. 1946
 Встреча-2. 2008. Холст, масло. 90x120
 ТУРИН Сергей Сергеевич. 1984
 Без названия. 2008. Фотография. 30x45
 ТУХВАТУЛЛИН Андрей Фависович. 1979
 Красная комната. 2008. Холст, масло. 120x150
 УДАЛОВ Андрей Александрович. 1961
 Электричество. 2008. Ч/б фотография. 60x80
 УСОВ Андрей (Вилли). 1950
 7 марта 2008. 2008. Фотография. 30x45
 УСТЮГОВ Геннадий Афанасьевич. 1937
 Ангелы что-то делают. (Троица). 2008. Х., м. 100x77
 УШКОВ Иван Владимирович. 1970
 Утро диджея 2008. Фотография. 100x140
 УШКОВА Ирина Владимировна. 1980
 Из серии «Скоро осень». 2008. Фотография. 70x100
 УЯНАЕВ Аслангери. 1962
 Композиция II-806. Х., б., темпера. 160x160
 ФАРРАХОВ Ильдус Назипович. 1944
 Оживленный переход. 2008. Картон, темпера. 50x60
 ФЕДОРОВА Татьяна Сергеевна. 1952
 Натюрморт с тыквой. 2008. Холст, масло. 59x70
 ФИЛИППОВ Андрей Агресович. 1960
 Городской пейзаж. 2008. Холст, масло. 80x100
 ФИЛИППОВА Наталья Ивановна. 1984
 Натюрморт. 2008. Б., линогравюра. 45x35
 ФЛЕГОНТОВ Дмитрий Юрьевич. 1957
 Девушка с сигаретой. 2008. Холст, масло. 60x50
 ФРОНТИНСКИЙ Олег Борисович. 1938
 Белые ночи. 2008. Холст, масло. 75x100
 ФУМЕЛЛИ Андрей Константинович. 1950
 Источник. 2008. Дерево. Н 300
 ХИЛЬКО Геннадий Анатольевич. 1964
 Королевский выезд. 2008. Холст, масло. 80x120
 ХОНИН Герман Владимирович. 1931
 Братья. 2008. Гипс. 39x35x34
 ХОХЛЕНКО Александр Михайлович. 1955
 Странный день. 2008. Фотография. 50x60

- ХРЕБТОВ Артем Игоревич. 1964
 Пейзаж с домом. 2008. Холст, масло. 60x90
 ХУАН ЮАНЬГЭН. 1986
 Ветренный день. 2008. Холст, масло. 45x60
 ЦВИРКУНОВА Светлана Юрьевна. 1968
 Композиция 2008. Х., смешан. техн. 110x90
 ЦЕХОМСКАЯ Наталия Алексеевна. 1945
 Банки и бутылки вечером на окне. 2008. Ф/бум., м. 35x38
 ЦЭРУШ Михаил Георгиевич. 1948
 Ноктюрн. 2008. Холст, масло. 120x100
 ЧАПЛЯ Андрей Александрович. 1966
 Бегство (от кризиса). 2008. Дерево, масло. 50x50x30
 ЧЕЖИН Андрей Сергеевич. 1960
 Без названия. 2008. Фотография. 50x60
 ЧЕЖИНА Людмила Леонидовна. 1960
 Без названия. 2008. Фотография. 50x60
 ЧЕПЕЦ Анна Вячеславовна. 1970
 Холодильник. 2008. Картон, масло. 50x60
 ЧЕРА Алексей Анатольевич. 1961
 Любовь. 2008. Холст, масло. 90x120
 ЧЖАО МИНЬЧУ. 1983
 Встреча. 2008. Холст, масло. 80x95
 ЧЖАО ПЭН. 1982
 Парк. 2008. Холст, масло. 50x60
 ЧИРЯТЬЕВ Николай Петрович. 1985
 Река. 2008. Б., масл. пастель, тушь. 63x45
 ЧУЙКОВА Светлана Владимировна. 1953
 90 лет. 2008. Холст, масло. 40x50
 ЧУМИЧЁВ Дмитрий Владиславович. 1971
 Сон. 2008. Фотография. 40x60
 ЧУРИЛИНА Татьяна Алексеевна. 1954
 Карнавал. 2008. Шелк, гор. батик. 90x300
 ЧУРИЛОВ Игорь Станиславович. 1959
 Второй на финише. 2008. К., масл. пастель. 120x70
 ЧУРКИН Михаил Сергеевич. 1983
 Цветная Комната. 2008. Люминография. 60x80
 ШАГИН Дмитрий Владимирович. 1957
 Валаам. 2008. Холст, масло. 80x100
 ШАГИНА Татьяна Викторовна. 1958
 Путь к Валааму. 2008. Ткань, коллаж. 200x80
 ШАПИРО Михаил Александрович. 1947
 Каток. 2008. Холст, масло. 60x65
 ШАРАПКОВ Сергей Николаевич. 1972
 Елагин остров. 2008. Холст, масло. 50x40
 ШАЮНОВА Ольга Васильевна. 1963
 Куклы. 2008. Бумага, акварель. 58x42
 ШЕВЧЕНКО Сергей Тарасович. 1960
 Осень. 2008. Бумага, темпера, гуашь. 50x70
 ШИГАБУТДИНОВА Ирина Рафаиловна. 1957
 У воды. 2008. Войлок. 85x53
 ШИМАНСКИЙ Анатолий Михайлович. 1941
 Австралия. 2008. Орг., смешан. техн. 50x60
 ШИМАНСКАЯ Елена Валентиновна. 1965
 Сказки на песке. 2008. Инсталляция. 55x70
 ШИНКАРЕВ Владимир Николаевич. 1954
 Веласкес. «Менины». 2008. Холст, масло. 80x70
 ШИРОКОЛОБОВ Владислав Иннокентьевич. 1938
 Клеопатра. 2008. Керамика. Н45
 ШЛЫКОВА Татьяна Викторовна. 1979
 Артист. 2008. Холст, масло. 90x70
 ШРАММ Эдуард Владимирович. 1928
 Обнаженная. 2008. Оргалит, масло. 70x50
 ШУЛЬМАН Анфиса Сергеевна. 1986
 Карадагская обсерватория. 2008. Х., масло. 40x80
 ШТЫЛЬКИН Алик Александрович. 1953
 Уголок старой России. 2008. Холст, масло
 ЩЕРБАК Александр Владимирович. 1955
 На берегах р. Ловать. 2008. Б, тушь, перо, кисть. 48x34
 ЩЕРБИНИНА Елена Валерьевна. 1967
 Выбор метафизики. 2008. Бумага, акварель. 42x33
 ЭВЕРЛИНГ Надежда Альфредовна. 1962
 Осенний призыв. 2008. Холст, акрил. 50x50
 ЭНДЕР Галина Андреевна. 1970
 Вечер в Страсбурге. 2008. Холст, масло. 30x40
 ЭРСТЕД Наталья Михайловна. 1983
 Оксана. 2008. Б., цв. линогравюра. 28x34
 ЮЗЬКО Василий Дмитриевич. 1938
 В холодной квартире. 2008. Холст, масло. 40x27
 ЮЙ ЧАННУН. 1971
 Гора. 2008. Холст, темпера. 50x70
 ЯРОШЕВИЧ Андрей Валентинович. 1969
 Рыбы. 2008. Холст, масло. 39x50
 ЯРОШЕВИЧ Ирина Владимировна. 1943
 Шостаковича. 2008. Гипс. 51x40x41
 ЯРЫГИН Алексей Евгеньевич. 1969
 Апрель. Кольмар. 2008. Холст, масло. 60x80
 ЯСТРЕБОВА Татьяна Николаевна. 1967
 Соло. 2008. Б., пастель. 40x60
 ЯХНИН Марат Матвеевич. 1939
 Золотых дел мастер. 2008. Холст, масло. 65x90

ODD-DANCE FAMILY
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
РУССКО-ФИНСКИЙ ПРОЕКТ "ЧЕМОДАНЫ"

Театр Odd-Dance известен тем, что остается единственным в Питере танцующим и преподающим Буто*.

2008 год был очень насыщенным творчески. В результате многочисленных мастер-классов в Москве и Финляндии сложились группы единомышленников, выступающих в одной концепции и легкопонимающих друг друга. Это и есть OddDance Family.

Проект "Чемоданы" - это место, где встречаются люди, живущие в разных странах и городах, порой не знакомые друг с другом. Они приходят на перформанс - каждый со своим чемоданом - и проживают историю, возникающую здесь и сейчас, никогда не повторяющуюся. Они тащут, несут, берегут или выбрасывают, наполняют или раскрывают свой чемодан или сумку, наполненную чем-то исключительно важным или абсолютно ненужным.

УЧАСТНИКИ:

Odd-Dance:

Наталья Жестовская
Григорий Глазунов
Алексей Черкашин
Игорь Ламба
Лилия Борозенцева
Наталия Колесниченко
(Санкт-Петербург)

Яна Лир
Петр Андреев
Андрей Афонин
(Москва)

Мерья Малки
Оску Леннонен
Санни Приха
Хенна Митина
(Финляндия)

*Буту - искусство особого рода танца и перформанса, родившееся в послевоенной Японии и распространяющееся по всему миру, "Это инструмент самой жизни для прохождения через смерть, чтобы еще ярче почувствовать и осознать жизнь" - так определил Буту мастер Масаки Ивана

МУЗЫКАЛЬНЫЙ И МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ХЭППЕНИНГ
TEMNA VODA V OBLATSEN
(ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МЫСЛИ В РОССИИ)

Совместное и во многом спонтанное действие художников, музыкантов и артистов, проявленное в звуке, танце и видеопроекциях, протяженностью 1 час, созданное прямо на глазах у зрителей и имеющее ценность в момент непосредственного наблюдения.

УЧАСТНИКИ:

Елена Калинина
Ариадна Карягина
Марина Павлова
Ольга Павлова
Екатерина Мелешкова
Илья Гиндин
Юрий Давидович

Леонид Левин
Владимир Михайлуца
Андрей Мельник
Кирилл Миллер
Павел Облапенко
Михаил Огородов
Николай Рубанов

При поддержке
Смольного
института
свободных
искусств и наук

Артем Соколов

Михаил Галустов

Олеся Волкова

Елена Орешкина

Ярослав Скачков

Максим Шер

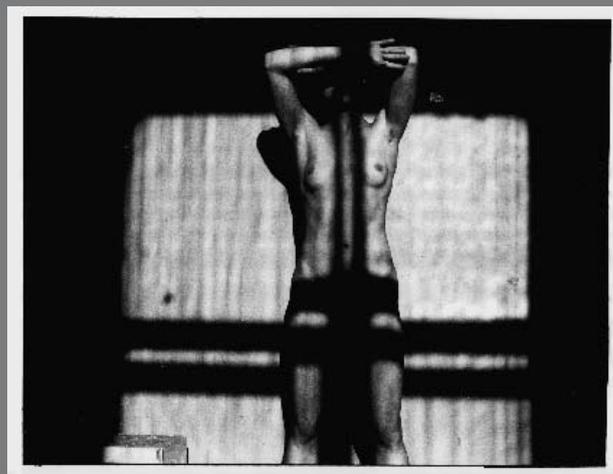

Надя Городецкая

Елена Михновская

Александр Лаврентьев

Марго Овчаренко

Юлия Юсма

Мария Мигаль

Ира Попова

Информационный центр/Бюро «ФотоДепартамент»
и Центр по искусству и музыке Библиотеки им. В.В.Маяковского / Невский пр., 20
представляют

Выставка
«МОЛОДАЯ РОССИЙСКАЯ ФОТОГРАФИЯ/2008»
/ 13 молодых фотографов-участников выставочного проекта «Имя собственное» за 2008 год
УЧАСТНИКИ ВЫСТАВКИ, КУРАТОРЫ И ПРОЕКТЫ:

- Елена Михновская, Санкт-Петербург
- «Женский алфавит» / Куратор фотограф Александр Никипорец
Ярослав Скачков, Санкт-Петербург
- «Форма жизни» / Куратор фотограф Павел Маркин
Александр Лаврентьев, Санкт-Петербург
- «Геометрия тени» / Куратор арт-критик Лиза Савина
Олеся Волкова, Москва
- «Города-дороги» / Куратор фотограф Александр Орлов
Максим Шер, Санкт-Петербург
- «Кронштадт. Сны о чем-то большем» / Куратор фотограф Игорь Старков
Мария Мигаль, Санкт-Петербург
- «Когда мы дышим» / Куратор фотограф Игорь Лебедев
Елена Орешкина, Санкт-Петербург
- «8 ½ тысяч километров и 6 часовых поясов» / Куратор фоторедактор Анна Федотова
Надя Городецкая, Новосибирск/Санкт-Петербург
- «Малая Родина» / Куратор фотограф Сергей Максимишин
Артем Соколов, Новая Ладога
- «Время. Движение. Пространство» / Куратор фотограф, преподаватель фотографии Татьяна Чурова
Михаил Галустов, Москва
- «Кавказ. 2005-2008» / Куратор фоторепортер Юрий Козырев
Ирина Попова, Санкт-Петербург/Москва
- «Другая семья» / Куратор фоторепортер Олег Климов
Юля Юсма, Санкт-Петербург
- «Искусственный возраст» / Куратор медиахудожник Кирилл Шаманов
Марго Овчаренко, Краснодар/Москва
- «Без меня» / Куратор галерист Ирина Меглинская

Цель проекта «Имя собственное» - помочь молодым фотографам обрести собственный голос. У каждой выставки есть два героя – молодой автор и куратор – известный фотограф, художник, фоторедактор или галерист.

Открытие перспективных авторов – часть работы «ФотоДепартамента». Следующий этап в рамках проекта «Имя собственное» - сотрудничество молодого автора и именитого, последний находит новое имя в процессе преподавательской деятельности, на портфолио-ревью или в интернете. Выбор авторов чаще осуществляется самими кураторами, даже без помощи «ФотоДепартамента», и задача куратора – дать аванс начинающему фотографу, включить новое имя в должный контекст, обозначить перспективы. Оправдывается этот аванс или нет – дело молодого автора и случая. Но те несколько работ, что составили персональную выставку, уже снабжены патентом качества благодаря имени куратора.

В сфере интересов «ФотоДепартамента» - любые проявления фотографической деятельности, актуальные и профессиональные или имеющие потенциал стать таковыми. Поэтому и проект «Имя собственное», второй сезон которого продолжится в 2008 году, направлен на выявление нового поколения российской фотографии, поиск молодых перспективных фотографов, а деятельность «ФотоДепартамента» направлена на помощь им в самоопределении и в представлении их работ, идей, творчества зрителям в нашей стране и мире.

Организаторы выставки:
Информационный центр/Бюро «ФотоДепартамент»
Санкт-Петербург, Невский пр., 20
www.fotodepartment.ru

Библиотечно-информационный и культурный центр по искусству и музыке Библиотеки им. В.В. Маяковского /
Невский пр., 20

ЮБИЛЯРЫ

ВАЛЕНТИНА АНОПОВА

АЛЕКСАНДР ВИЗИРЯКО

ВИКТОР ВОРСМАН

ЕЛЕНА ГАЛЕРКИНА

ЛЮБОВЬ ДОБАШИНА

ИГОРЬ ДЯДЧЕНКО

ВЛАДИМИР ЖУКОВ

ВИКТОР ИВАНОВ

НАТАЛЬЯ КИМ

СЕРГЕЙ КОВАЛЬСКИЙ

ГЕОРГИЙ КОВЕНЧУК

АНАТОЛИЙ МАСЛОВ

ЮРИЙ ПАНТЕЛЕЕВ

ОЛЬГА ПЕН

НИКОЛАЙ СЫЧЕВ

НИКОЛАЙ ТЕПЛЫЙ

ОЛЕГ ФРОНТИНСКИЙ

МИХАИЛ ЦЭРУШ

ВАСИЛИЙ ЮЗЬКО

ИРИНА ЯРОШЕВИЧ

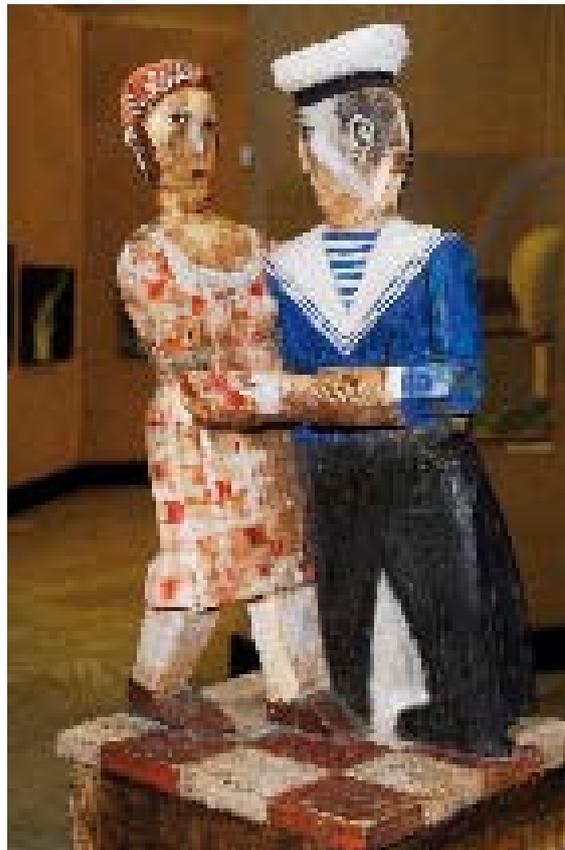
Станислав Чабуткин. Город под крыльями. 2007. Фотография. 76x114

Дмитрий Каминкер. III Рим. 2007. Дерево, гранит, металл. 230x300x300

Александр Позин. Купание красного осла. 2007. Дер., мет. Н 300

Роберт Лотош. Танец. 2007. Дерево. Н 70

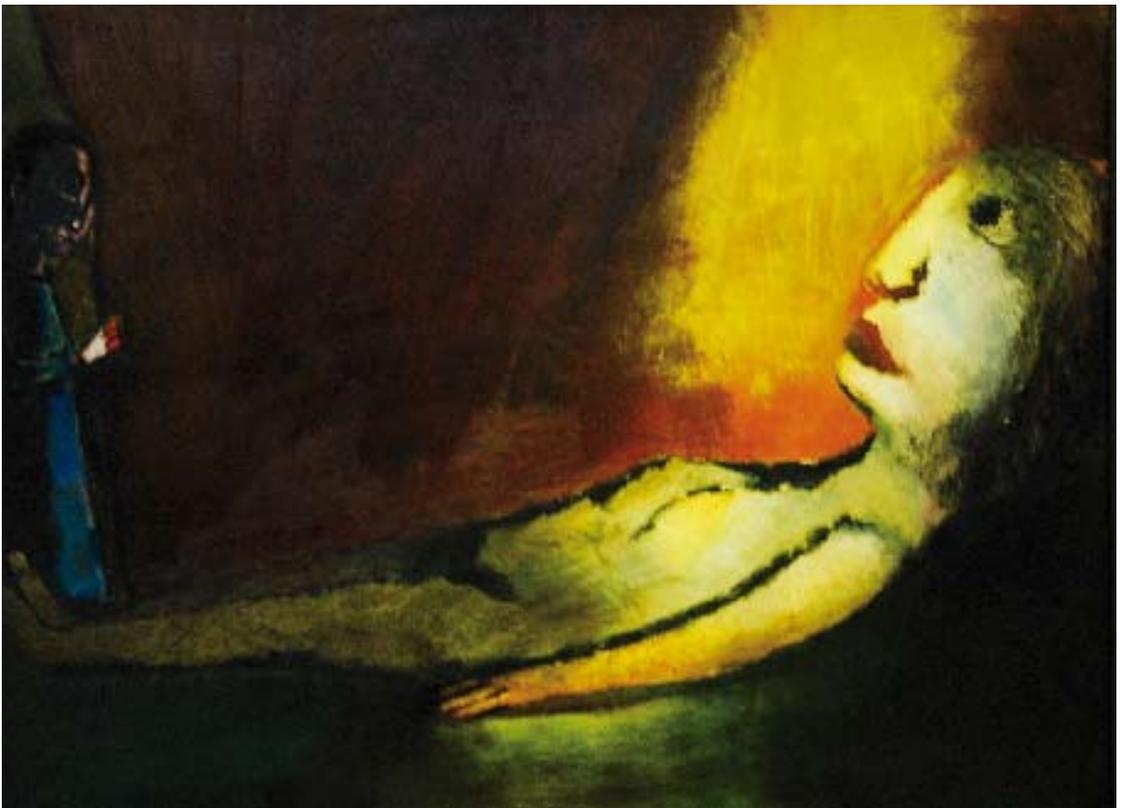
Николай Карлыханов. Летящий. 2007. Шамот, высокий обжиг. 41x56x22

Валентина Анопова. Пляж в Херсонесе. 2007. Холст, масло. 85x100

Петр Конников. Даная. 2007. Холст, масло. 110x150

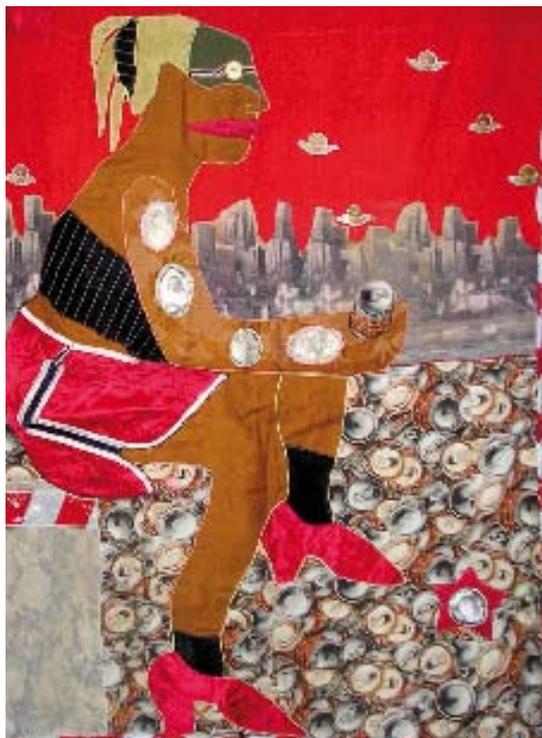
Владимир Шинкарев. "Макдональдс". 2007. Холст, масло. 60x160

Виктор Тихомиров. Умиление злых сердец. 2007. Холст, масло. 200x300

Александр Кондратьев. Огородница. 2007. Оргалит, акрил. 100x120

Надежда Эверлинг
Воспоминания о будущем. 2007. Тк., коллаж. 120x100

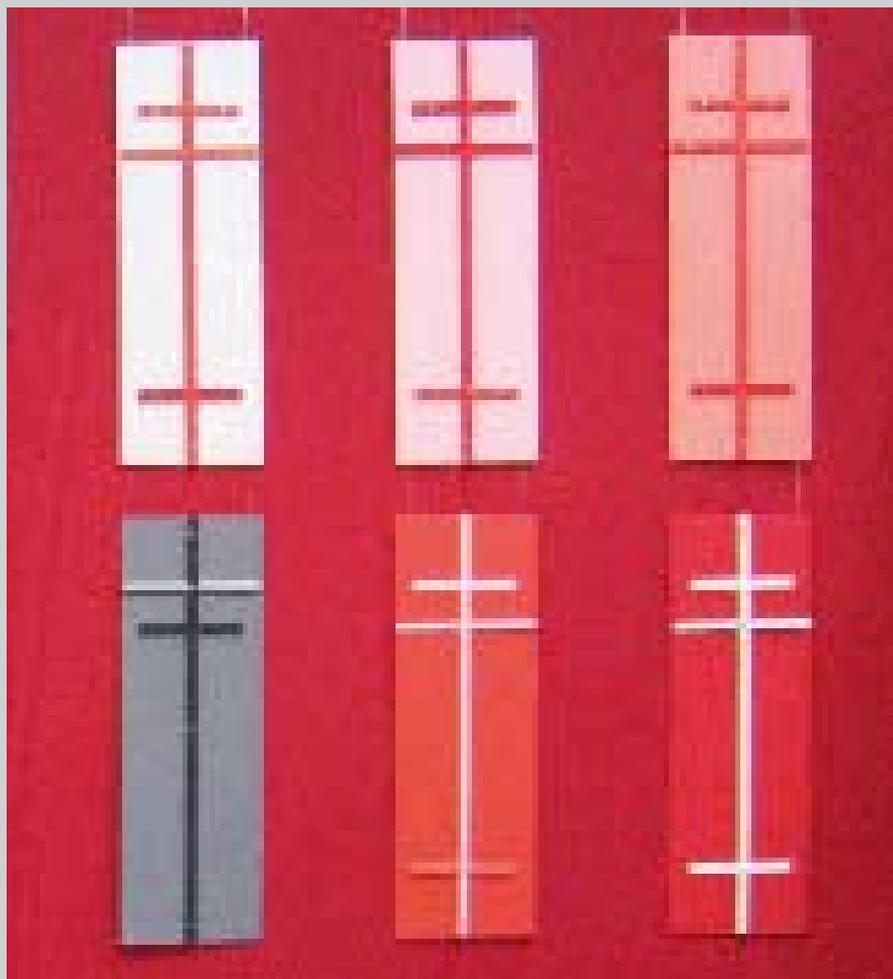
Елена Фигурина. Ополчение. 2007
Холст, масло. 150x110

Борис Забирохин. Белая ночь. 2007. Бумага, темпера. 44x59

Ильдус Фаррахов
История графина № 3. 2007
Картон, темпера. 50x60

Евгений Орлов
Крестодвижение. 2007
Объект. Смешан. техн. 170x220
Фрагмент

ПУБЛИКАЦИИ

Гульнара ХАЙДАРОВА
 “РОССИЯ НЕ ЕВРОПА. РОССИЯ БОЛЬШЕ ЧЕМ ЕВРОПА”
 Лозунг как вид изобразительного искусства

Ежегодная выставка новых произведений петербургских художников
 8 – 25 января 2008 . Центральный выставочный зал “Манеж”
 Куратор Л. Скобкина
 Валерий Савчук. Россия не Европа. Россия больше чем Европа. 2007. Холст, бумага, принт. 800 x 90

На этот раз лозунг с холодной объективностью констатирует геополитическое положение России в эпоху смены приоритетов и демонтажа старого мирового порядка, выстроившего пирамиду развитых, развивающихся и отсталых стран. В этой ситуации осознание художественными средствами уникального положения страны, неравномерно расположившейся на двух материках, продуктивно. Противоречивая двойственность смысла художественного высказывания происходит из следующих фактов: значительное большинство территории России находится на самом большом континенте Земли — Азии, а большинство населения — в Европе. К тому же энергетические, минеральные и другие ресурсы добываются в азиатской, а потребляются в европейской части России. Россия прирастает Сибирью, а территориально убывает — отчетливо после распада СССР — в Европе. Уступка ли здесь художника позитивизму? Капитуляция перед неизбежностью? Обреченность?

В актуальном искусстве (примем, что речь идет именно о нем) банальность, увеличившись

в размерах до непомерности, претерпевает чудесную метаморфозу, воскрешая ситуацию впервые открытого смысла, найденного слова, образа, жеста. В работах, расположенных в зале «Манежа», ситуация непреодолимой противоречивости сознания обострена до логического предела: НАТО, ВТО, Китай, Западная Европа. Визуальные образы на такой масштабной по числу участников выставке, не ведая того, несут следы несамостоятельности, невысказанной тревоги, а порой загнанной в подсознание неполноценности. На противоположном полюсе — инверсия: самоуверенность и самонадеянность.

Общим местом является мысль о том, что искусство питается корнями своей культуры, поэтому оно провинциально — всегда. Другое дело, что одни провинции в полном соответствии с аксиоматикой геометрического доказательства заявляют: «примем, что это центр», другие же «допускают и принимают это». Злоба дня, умонастроения в той или иной мере присутствуют на выставке, окрашивая высказывания от скульптуры и инсталляции, до

Фото Вилли Усова

традицию, на православие и исключительность — евразийский путь — вступают в напряженный диалог с демонстрацией и предъявлением того, что в очередной раз усвоено в Европе и Америке, то есть того, что сработано в культурных столицах и подано как актуальная форма. Новая форма всегда входит в конфликт со старой, безжалостно отсекая сопротивление жизненного уклада и аутопоэзиса местной культуры.

По большому счету на этой (как, впрочем, и других подобного рода) выставке мы видим самоотчет времени осуществившихся и, наконец-то, осознанных как необратимые перемен. Интенция представленного концепта Савчука — именование выставки, — весьма продуктивна. Выставка как цельное произведение искусства, *Gesamtkunstwerk*, представшего сегодня в обличье кураторского проекта, открывается лозунгом. При попытке анализа целого продуктивен охват противоположных полюсов, предваряющий серьезную концептуальную работу по извлечению смысла эпохи, схваченной выставленными произведениями. Собрание высказываний создает медиареальность. В итоге картина времени вобрала господствующие иллюзии и неврозы, упования и цинизм, идеализм и голый расчет.

Благодаря усилиям концептуалистов жанр лозунга в изобразительном искусстве стал легитимным; он наследует их завоевания, актуальность которых, в частности, в отечественном контексте не угасла, тому пример позиция известного петербургского фотографа Александра Никипорца, который, обсуждая выставку, активно оспаривал принадлежность лозунга к изобразительному искусству: «Лозунг допускает разные вариации шрифта, размера, цвета и прочих визуальных характеристик, не изменяя своего смысла. То есть он не зависит от изображения, так как таковым не является. Так как это лишь слова. Логоцентризм вечен даже под маской “изобразительного” искусства». Однако в случае лозунга В. Савчука мы имеем интригу, которая интереснее оппозиции визуальность — логоцентризм. Автор переосмысливает художественный прием модерна использовать не только «готовые» предметы («ready made»), но и готовые тексты: политические лозунги, афиши, рекламные слоганы, надписи на стенах, медицинские рецепты и т.п., — то есть своего рода «ready texts». Вспомним реакцию на революционные произведения дадаизма В. Беньямина, проверяющего «искусство на его аутентичность»: «Вот натюрморт, который составляется из билетов, катушек ниток, окурков, связанных живописными элементами.

Все это помещалось в рамку. И тем самым демонстрировалось публике: посмотрите, время разрывает ваши рамки; крошечный фрагмент повседневной жизни говорит больше, чем живопись. Точно так же как кровавый отпечаток пальца убийцы на странице книги говорит об убийстве больше, чем текст.”

Здесь лозунг указывает на радикальный разрыв с самой практикой «ready texts», с практикой готового жеста, смысла, высказывания. Смена лозунга — и великое политическое искусство, и актуализирующая уникальность, разрыв с традицией как отработанная форма ее сохранения. «Лозунг дня: все, что опаздывает, не существует» (В. Подорога), — в том числе, а может в первую очередь несвоевременный лозунг — бесполезен, если не вреден. Он, как ничто другое подтверждает: что опаздывает — остается вне искусства, «не существует». Лозунг идеологичен и политичен, поскольку он касается мировоззренческих установок художника. Лозунг — всегда лозунг сего дня. Завтра будет поздно.

Фактором, определяющим появления лозунга в качестве средства изобразительного искусства является рост планетарного самоощущения человека, его представление о рукотворности окружающей среды; цивилизационный фактор влияния на климат, среду неизбежно влияет на самоощущение художника, создающего свои объекты не только в галерее, но и вне ее. Ибо художник чувствует себя ответственным за само существование на земле, за природные ресурсы, за рост загрязнения окружающей среды и, в первую очередь, визуальной, музыкальной, идеологической. Тому пример лэнд-арт (“искусство земли”, ландшафтное искусство, искусство среды, объекты в природе), ставшее одним из самых модных направлений contemporary art. Космостроительный импульс художника, работающего со средой, пространствами, идеологией и эстетикой, проявляется также в лозунге, который из предваряющего выставку названия превращается в самоценный объект изобразительного искусства.

И последнее, смена лозунгов: “Все это — прошлый век” (2000), “Художник — помни, что был постмодернизм” (2005) и “Россия не Европа. Россия больше чем Европа” (2007) — этапы изменения стратегий аналитики целого, которое собирается из совокупности всех работ на выставке «Весь Петербург». Решительная смена лозунга фиксирует изменения художественных установок и сферы публичности, а в конечном счете, всей стремительно меняющейся жизни.

Александр СИМУНИ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ?

Неправедные решения высоких чиновников
всегда опираются на общественное мнение,
с его недомыслием и равнодушием.

Вместо эпитафии

Когда участники “штурма Зимнего” достигли вождельных залов, то предались изысканному удовольствию: написали в тамошние старинные вазы. Хотя туалеты во Дворце функционировали.

Узнав об этом, великий пролетарский писатель Максим Горький разразился филиппикой, опубликованной в эпистолярной части его собрания сочинений. Особенно возмутило властителя дум непонимание победителями того факта, что поруганные сосуды в тот момент уже не были буржуазной роскошью, а стали народным достоянием.

Можно, казалось бы, предположить, что причина сего недостойного поведения – деревенская темнота восставших. Однако, разве в деревне они справляли нужду в собственные горшки и кринки?

Нет, думается, дело в ином. Налицо приход действующих лиц в декорации чужой пьесы. И отсюда – полное смятение чувств, принявшее столь дикие формы.

Посейчас спектакль идет в чужих декорациях. Град Святого Петра – средоточие царских дворцов, вельможных особняков, казарм лейб-гвардии и т.п. А живем здесь – мы...

Но разве в других городах не так? Не так! Почему, скажем, жители Таллинна, судя по всему, считают своим домом не лишь квартиру и подъезд, а и улицу, площадь, бульвар? Да потому, что Таллинн всегда был и остается городом купцов и ремесленников, их городом. Владевший им номинально датский монарх, например (отсюда и название, происходящее от «таани линн»: датский город), не переносил сюда из Копенгагена королевскую ставку.

А жизнь в декорациях чужой пьесы предполагает два варианта поведения. Первый – попытаться соответствовать исконным обитателям, хотя бы в общедуховном аспекте. Вторая же, не столь обременительная, – приспособить доставшееся наследство к своему скромному естеству.

Подобная «скромность» замечательно исследована Л.Невлером в статье «Культура хамства», опубликованной некогда в журнале «Декоративное искусство СССР». Никакого фельетона: автор рассматривает культуру хамства как вполне академическую категорию.

Ставится, скажем, статуя. У нее следует немедленно отбить нос или отломать руку. У сколоченной из реек скамьи выломать одну-две рейки. После этого объект можно больше не увечить, он введен в искомо-хамский контекст.

Разве не отсюда, с непринципиальными

уточнениями, проистекает сегодняшняя ситуация?

В «рядовой» петербургской застройке надо выломать несколько домов и вставить туда нечто совр-р-ременное, увенчанное идиотскими ротондочками. В площадь с великолепной церковью XVIII века внедрить превосходящую ее по массе орясину, попутно душаскую в объятиях старинное трехэтажное здание. Другую, центральную же площадь «украсить» выпирающей из-за нее стекляшкой. И т.д. и т.п.

В праведном гневе, впрочем, можно говорить все, что угодно. Отметим, в частности, желание потрафить подростково-«погремушечному» вкусу, предпочитающему многоцветную блескучесть стекла благородству сложившегося ансамбля. Указать на то, что громоздкая стекляшка уничтожает соседний дом XIX века – не потому, что она лучше, а потому, что «громче».

Вспомнить, на сей раз в негативном смысле, тот же Таллинн, где 22-этажная гостиница «Виру» изгадила сказочную панораму города, а мощные средневековые ворота Виру превратила в сувенир-игрушку. Как и лондонский небоскреб-корнишон, сделавший столь же никчемной игрушкой старую церковь у его подножия...

На все это вам приведут убийственный довод. Вот вы, господа хорошие, сетуете на недостаточность пенсий, бюджетных зарплат, трат на социальные нужды. А внедряющиеся в город инвесторы, которых вы позволяете себе ругать, и дают необходимые деньги. Получается, вы «против старушек»?!

И высоколобые горожане униженно лепечут что-то вроде: – Нет, конечно, мы понимаем, город должен развиваться... Но нельзя ли, извините, поделикатнее?... Ну, не тридцать зданий снести, а десять... Не в 100 метров башню вознести, а в 60... И не в самом центре, а чуть в стороне... А инвесторы пусть радеют за старушек, мы же не без сочувствия...

...Представим себе семью: муж, жена, двое детей. Потребностей масса, денег в обрез. И тут выясняется – если мать семейства выйдет на панель, семья получит ежемесячный приварок в пару тыщ зеленых. Примет ли семейный совет, если это порядочная семья, подобное решение? Нет, никогда. Потому что, хоть деньги и нужны, но не такой ценой. Это табу.

А мы, помогающие старушкам, сводя великий город к среднемировой банальности, и не видящие здесь табу, мы – порядочная семья? Или кто?

Марина УНКОВА

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
 НОНКОНФОРМИСТСКОГО ИСКУССТВА
 НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА
 ЕВГЕНИЯ РУХИНА

В конце XX - начале XXI века экзистенциалистские идеи и настроения заняли преобладающее место в жизни современного общества. В конце 1950-х - конце 1980-х гг., эпоху существования неофициального советского искусства экзистенциализм выступил основой возникновения и существования нонконформизма.

Экзистенциализм (от лат. *existential* - существование) - иррационалистическое направление современной философии, возникшее накануне 1-й Мировой войны 1914-1918 гг. в России (Л. Шестов, Н. Бердяев), после 1-й Мировой войны в Германии (М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Бубер) и в период 2-й Мировой войны 1939-1945 гг. во Франции (Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, А. Камю и др.). В 1940-1950-х гг. экзистенциализм получил распространение в других европейских странах и в США. Своими предшественниками экзистенциалисты считают Б. Паскаля, С. Кьеркегора, М. де Унамуно, Ф. М. Достоевского, Ф. Ницше. На экзистенциализм оказали влияние философия жизни и феноменология Э. Гуссерля. Философия экзистенциализма исходит из единства объекта и субъекта, воплощенного в экзистенции, то есть некоей иррациональной реальности. Переживание субъектом своего «бытия-в-мире» экзистенциализм представляет в качестве изначального и подлинного бытия, данного непосредственно как принципиально непознаваемое человеческое существование-экзистенция. Экзистенциализм отвергает как рационалистическую просветительскую традицию, сводящую свободу к познанию необходимости, так и гуманистически-натуралистическую, для которой свобода состоит в раскрытии природных задатков человека, раскрепощении его сущностных сил. Свобода, согласно экзистенциализму, - это сама экзистенция, экзистенция и есть свобода. По Хайдеггеру и Сартру, экзистенция есть бытие, направленное в ничто и сознающее свою конечность. В «пограничной ситуации» (Ясперс), в моменты глубочайших потрясений, человек прозревает экзистенцию как корень своего существа. Определяя экзистенцию через ее конечность, экзистенциализм толкует последнюю как временность, точкой отсчета которой является смерть. В отличие от физического времени - чистого количества, бесконечного ряда протекающих моментов, экзистенциальное время качественно, конечно и неповторимо.

Оно выступает как судьба (Хайдеггер, Ясперс) и неразрывно с тем, что составляет существо экзистенции: рождение, любовь, раскаяние, смерть и т.д. Экзистенциалисты подчеркивают в феномене времени определяющее значение будущего и рассматривают его в связи с такими экзистенциалами, как «решимость», «проект», «надежда», отмечая тем самым личностно-исторический (а не безлично-космический) характер времени. Важнейшим определением экзистенции является трансцендирование - выход за свои пределы. Ясперс, Марсель, Хайдеггер признают реальность трансцендентного, которое невозможно познать, можно лишь намекнуть на него.

Именно подсознательное, но необоримое желание осуществить свою жизнь как личное решение, рискованное уникальное предприятие перед лицом других и Бога явилось основой возникновения неофициального советского искусства (нонконформизма) в условиях не только не благоприятствующих такому желанию, но и прямо и жестко противодействующих такому желанию. С середины 1950-х гг. неистребимый дух великой утопии свободы захватил общество. Дух экстремы, зародившейся в политической структуре, вылился в психологическую провокацию, вызвавшую «детонацию» погребов коллективного бессознательного. Как известно по Юнгу, коллективное бессознательное идентично у всех людей и, будучи по природе сверхличным, образует всеобщее основание душевной жизни каждого. Динамика архетипов (например, образа свободы), согласно Юнгу, лежит в основе символики художественного творчества. Мощь такого архетипа человечества, как стремление к свободе, привело к взрывному уничтожению сети социальных и нравственных запретов, накинутой на искусства тоталитарной системой. В искусстве появились (сначала в подполье) вчерашние изгои с задатками фанатиков, экзистенциальная мотивация поступков которых лежала в области бессознательного улавливания психических энергий общества. Необоримая тяга индивидуума к самоутверждению в бесстрастном и, более того, враждебном мире, в соединении с онтологической неистребимостью, космической устремленностью художника к бессмертию, продиктовали возникновение нового взгляда на мир и личность, новой эстетики, новых художественных приемов.

История жизни и творчества Евгения Рухина, одного из виднейших представителей неофициального советского искусства (нонконформизма) до удивления наглядно соответствует вышеприведенным общим положениям.

Рухин был одним из активнейших участников и организаторов знаменитой «бульдозерной» выставки (Москва, 1974), множества других выставок сообщества художников-нонконформистов периода «оттепели» в Советском Союзе в 1960-1970-е гг. Его первая зарубежная персональная выставка состоялась в 1966 г. (галерея Бетти Парсонс, Нью-Йорк). В 1966-1967 годах прошли четыре персональные выставки в родном Ленинграде. В дальнейшем при жизни и после смерти Рухина его выставки и демонстрации отдельных работ были многочисленны и включали, например, выставку коллекции Басмаджана в Эрмитаже (Ленинград, 1988), Третьяковской галереи (Москва, 1988), персональную выставку в Музее современного русского искусства в изгнании в Джерси-Сити (США, 1989), выставки в Вашингтоне и других городах Соединенных Штатов Америки.

Все творчество Евгения Рухина было свободно по самой своей сути и потому освобождало зрителя от оков духовного рабства тоталитарной системы. Естественно, даже помимо своей воли художник стал одним из вождей «оттепельного» нонконформистского движения в русском изобразительном искусстве, ныне уже вошедшем в историю как мощный всплеск творческой энергии послесталинской эпохи. Евгений Рухин, как и его друзья-художники, не был сознательным приверженцем экзистенциализма как основного философского направления XX века. Но своим творчеством утверждал уникальность отдельного человека.

В жизни Рухина рано произошел экзистенциалистский бунт против максимализированной советским тоталитаризмом угрозы утраты своей индивидуальности. Перед ним, рожденным в преуспевающей научной среде, открывалась гладко накатанная дорога советской науки, обеспечивающая материальное и социальное преуспеяние. Можно без преувеличения сказать, что если бы Евгений Рухин пошел по стопам своих родителей, известных геологов (профессора Л. Б. Рухин и Е. В. Рухина), его бы «на руках донесли» до докторской диссертации, профессорского или даже академического звания. Но уже в 20 лет он имел смелость резко изменить жизнь и захотел стать художником. Это решение явилось проявлением мужества быть собой, так как препятствия на избранном им пути были очень велики. Соппротивление семьи, долг перед трагически погибшим отцом, отсутствие профессиональных навыков, материальные трудности (приходилось

сдавать кровь, чтобы купить краски) и, наконец, враждебность господствующей официальной художественной среды, признававшей и покровительствовавшей только реалистическим тенденциям в изобразительном искусстве - чтобы все это преодолеть нужно было быть личностью незаурядного масштаба.

Надо сказать, что для занятия неофициальным искусством в СССР в годы существования нонконформизма как нигде и никогда необходима была масштабность личности. Слабые отвергались самой историей нонконформизма. Сильные и глубокие души порождали сильные и глубокие чувства, возникло исторически беспрецедентное повторение феномена Ван Гога, когда отсутствие профессионализма в обычном смысле не мешало созданию нового в искусстве. Творчество Евгения Рухина - один из самых ярких примеров такого феномена.

Вначале и очень недолго художник работал в традиционном русле, создавая пейзажные этюды, в которых проявилась необычность цветового решения. Острота впечатлений от погибавшей в советское время русской духовности проявилась в цикле видений белокаменных церквей, уходящих в голубое небо и запечатленных на грубой ткани-мешковине без грунтовки. Просвечивающая фактура ткани придавала картинам призрачное и очень русское очарование. Уже через один-два года начался период увлечения созданием абстрактных композиций, напоминавших то отдуваемое ветром пламя, то фантастический силуэт синего города, зеркально отражающегося в воде, то сломанное черное дерево, горящее в ярко-красном огне.

Но основным в творчестве Евгения Рухина был создание оригинальных композиций с использованием «смешанной техники», то есть абстрактной живописи (масло, акрил), элементов поп-арта в виде размещенных в поле картины предметов (икона, замок, доска, маятник часов, ножки кресел, гвозди и т. п.). Художник монтировал самые разные сочетания предметов как по фактуре, так и по материалу. Краски наложены плотным слоем, цветовое решение всегда неожиданно и экспрессивно.

Феномен Рухина — это феномен философской и эмоциональной глубины каждого произведения. В работе, датированной 1976 годом (годом гибели художника при пожаре в своей мастерской), «в центре что-то, напоминающее вырванное сердце, бурокрасные пятна, похожие цветом на засохшую грязь, а внизу - отпечатки рук, но не взрослого, а ребенка. Из красочного слоя выглядывает наивная детская картинка с пушкой. О чем эта работа? Первое ощущение - отвращение, объект в центре слишком физиологичен для обыкновенной живописи, но из-за дурацкой

зеленой пушечки внизу возникает мучительное несоответствие жуткого, прямо-таки сочащегося ужасом центра и чего-то детского, незащищенного вокруг» (Е. Герасимов, 2005). В этом описании картины Евгения Рухина видна экзистенциалистская углубленность в душу (внутреннее Я) художника и необычные формы выражения нового психологического материала. «Бодрствующая душа» художника вступает в контакт с любимым, самым малым явлением современной ему действительности, освещает новые грани объекта при его соприкосновении с душевной жизнью. «Чувствующая мысль», тяготея к осмысленности впечатлений, при помощи ассоциаций наделяет смыслом всякий образ или намек на него в картине.

Тревога судьбы и смерти являлась главной проблемой нонконформизма. Евгений Рухин в высшей степени обладал свойственным современному искусству творческим мужеством смотреть в лицо отчаянию реальности и, выразив его в своих произведениях, проявить мужество быть собой. Как известно, свобода предстает в экзистенциализме как тяжелое бремя, которое должен нести человек, поскольку он личность. Он может отказаться от своей свободы, стать «как все», но только ценой отказа от себя как личности. Мир, в который при этом погружается человек, носит у Хайдеггера название *map*: это безличный мир, в котором все анонимно, в котором нет субъектов действия, а есть лишь объекты действия, в котором все «другие» и человек даже по отношению к самому себе является «другим»; это мир, в котором никто ничего не решает, а потому и не несет ни за что ответственности. У Бердяева этот мир носит название «мира объективации», признаки которого: «1) отчужденность объекта от субъекта; 2) поглощенность неповторимо-индивидуального, личного общим, безлично-универсальным; 3) господство необходимости, детерминации извне, подавление и закрытие свободы; 4) приспособление к массивности мира и истории, к среднему человеку, социализация человека и его мнений, уничтожающая оригинальность» («Опыт эсхатологической метафизики», Париж, 1949). Именно такой мир, созданный советской тоталитарной системой, был особенно нетерпим в области искусства. Коллективистская идеология,

возведенная в ранг государственной политики, допускала существование исключительно конформистов, непоколебимых в своем желании быть не собой, но частью целого.

Та ярость, с которой советская идеология обрушилась на нонконформизм, свидетельствовала об ощущении серьезной угрозы духовности общества, исходящей изнутри, от его части. Невротический симптом сопротивления небытию путем редукации бытия, то есть отрицания каких-либо сторон действительности, указывает на невротические механизмы защиты в самом антиэкзистенциалистском стремлении к традиционным гарантиям, к идеализированному натурализму социалистического реализма. В конце 1970-х годов упомянутые «механизмы защиты» реализовались в конкретных действиях тоталитарной системы по уничтожению неофициального советского искусства (нонконформизма). Трудно не предполагать, что гибель Евгения Рухина в 1976 году была частью таких действий, тем более что официального судебного разбирательства не было.

Воспринимая время в соответствии с экзистенциалистской системой понятий как личностно-историческую категорию, качественную, конечную и неповторимую, Евгений Рухин работал лихорадочно торопливо, как бы предчувствуя краткость своего земного бытия. За одно десятилетие творческой жизни он создал сотни великолепных картин - за счет бессонной работы, подгоняемый жаром души, вопреки внешним обстоятельствам. В своем творчестве художник вольно партнерствовал с мирозданием, ощущая широту пространства, силу жизни, стремление к самореализации в тех кратких временных рамках, что были отпущены ему судьбой. Евгений Рухин стремился к вселенскому поприщу - мировой славе, на меньшее он не был согласен.

Начало XXI века показывает, что предвидение Рухина почти полувековой давности оправдывается в полной мере. Художник писал: «Поскольку я оптимист по натуре, то уверен, что наши работы в будущем будут широко выставляться в нашей стране».

ΠΡΟΖΑ

Владимир ТРЕТЬЯКОВ
Из романа «ПУТЕШЕСТВИЕ В ДЕТСТВО»

«Эка невидаль! – подумал я, разглядывая серое малоприметное здание старого Санкт-Петербурга.

Огромный дом-колодец, отчий дом, обрушивал собственное пространство со своих исторических высот прямо в будущее. Мне казалось, что невероятное преобразование вот-вот состоится, материализуется его высокодоходное прошлое в низкоотходное, связанное с вялотекущим экономическим кризисом, будущее. Здесь слышу я голоса прошлого, детско-юношеского периода становления: первые впечатления, незатейливые и более изощрённые мысли, специфические, свойственные отрочеству поступки, слабо связанные с праведностью, благопристойностью и послушанием. Первые уроки улицы, хореографии. Демонстрации по поводу нового «Русского чуда, вторая серия» – бунты против кукурузного хлеба, и прочие курьёзы, будь то, бородатый прообраз моего первого стихотворения, стихотворения о Кубе. Фидель ехал в открытом автомобиле по проспекту Майорова (ныне, как встарь, это Вознесенский проспект), куда мы были согнаны к нашей радости с уроков для дружелюбного помахивания руками и прочих приветствий... Будь то, очередное разрушение храма... Для наблюдения за этим вовсе не священнодействием пробирались мы ночью через, организованные стражами порядка, кордоны... Будь то страх, граничащей с паникой, из-за разгоравшегося тогда, как нам позднее разъяснили, «Карибского кризиса». Путешествия по подвалам, чужим дворам и крышам, взлёты и падения через ограды Александровского сада и сквера Исаакиевского собора, планомерные вылазки по выходным дням на детские утренники в «Баррикаду», во Дворцы культуры работников связи и Первой пятилетки, стертой с лица земли ныне в угоду отдельно взятым маэстро и чиновникам. Почти каждодневные маршброски с отцом, ревностным театралом, на спектакли Театра оперы и балета имени С.М. Кирова, Театра музыкальной комедии. Многочасовые и многодневные паломничества в Военно-морской музей, Артиллерийский музей, Этнографический музей, а позднее в Эрмитаж и Русский музей, и, конечно же, незабываемые блуждания по ночному городу,

когда всё преображалось во всё новые и новые фантазмагорические образы. Отсюда, почти ежедневно пролегал путь в школу, уютно расположившуюся в одном из крыльев Адмиралтейства. На стенах этого фасада я, забравшись на леса, мелом поведал о своей любви к одной юной особе, и был весьма приятно удивлён, что после разборки лесов, долгое время мой текст красовался на столь видном и бойком месте. Школа, несомненно, особое дело. Ленин на лестнице, директор в кабинете, мы то в классах, то в комнате продленного дня – всюду свои чувствования и впечатления. Драки со старшеклассниками, неудачно спрятанный дневник, найденный радивым учеником, и переданный для надругательства тому же директору... Сломанная мною, точнее брошенным мною ядром, шведская стенка на уроке физкультуры... Неизбывная тяга к спорту – баскетбол, лёгкая атлетика, академическая гребля... Первая любовь... к рисованию, сопливый одноклассник, отправленный на обучение в СХШ, упоение бальным танцем, безудержное увлечение таблицей Менделеева, стереометрией, неудачная попытка создания реле времени, увлечение творчеством Кулибина, (после увлечения в начальных классах журналом «Старшина-сержант»), победы в спорте, отложившие сдачу экзаменов, когда на одном из них с блеском поведал теорему о ромбе, получив задание о квадрате. Отсюда же отправился я на международные соревнования по гребле, затем в ЛЭТИ, где после собственного провала, решил все задачи соседям справа, слева, сверху и снизу (аудитория была с уклоном). Там не задержался и поступил в Театральный институт – в артисты, а затем уж и на экономику и организацию театрального дела, но это, как говорится, песня особая. Словом, не слабые впечатления подарило мне, да и всем нам, то время.

«Эка невидаль! – перестал думать я, разглядывая серое малоприметное здание старого Санкт-Петербурга, а, наверное, напрасно. Во всяком случае, там и сейчас живёт и здравствует поныне непременный участник означенных событий мой родной брат Сергей с семейством.

07.12.08.

Александр НИКИТИН-младший
 МЕТРО-2008
 /глава из повести/

- Выходите?
 - Я подумаю...

Мой ответ вызвал у стоящей позади пожилой женщины приступ какой-то дикой агрессии...

Она начала что-то кричать, видимо напирая на отсутствие воспитания у современного поколения и прочую ересь, которой так любят страшить нас особо говорливые старушки.

...я ушел в себя. Точнее, я ушел в музыку. В наушниках громко кричал Алекс Капранос. «This fire is out of control, we're going to burn this city, burn this city». Одно мгновение - и я уже там, я уже с ними, отчаянно выбиваю ритм, ловлю энергию. Еще миг - и уже нет никого кроме меня: я один, единственный солист, и играю для друзей. Еще миг...и пожилая женщина довольно чувствительно толкает меня в спину.

Фак... я же прекрасно знаю, что она выйдет там же, где и я - на Техноложке. Да вообще, какого черта делать пенсионерке в метро в 8.30? Куда, куда они все едут?! Неужели один я задаюсь этим вопросом?

Меня подмяли изрядно. Я стою в какой-то совершенно несвойственной человеческому существу позе, одна моя рука вообще вне пределов досягаемости. Я там, я в музыке, я стараюсь... Однако, какой-то толсто-потный мужчина так навязчиво бьет мне локтем под ребро, что я невольно возвращаюсь в этот мир смущенных-виноватых-бледных-загорелых-растерянных и всяческих иных лиц. Совершенно того не желая, смотрю в глаза этому самому мужчине. У него какой-то скорбный вид и потухший, но неслепый взор.

И тут вдруг я понимаю, что каждый из окруживших меня плотным кольцом людей имеет свою историю, которая в данное мгновение продолжается здесь, в плохо освещенном вагоне метро. Я инстинктивно оборачиваюсь и пристально, даже слишком, смотрю на кричавшую пенсионерку. В ее глазах - тоже жизнь, но какая-то другая, еще не ведомая мне.

Я-волшебник! Я-Гудвин! Я - творец человеческой истории! Я раскрашиваю серые контуры этих лиц в яркие цвета бьющей ключом жизни! О Вы, любители бульварной литературы и бесплатной газеты «Метро», отныне Я - Ваше все! Творец биографии и вершитель судеб.

ТОЛСТО-ПОТНЫЙ

Я ненавижу эту страну. Пытаюсь ей что-то отдать, но она не берет, а только посмеивается надо мной, все больше втаптывает в грязь. Уже не знаю сам, кто я и зачем все еще бьюсь головой о стену непонимания.

Никогда не забуду 98-й. Неожиданный вызов, долгая прелюдия и только одна фраза по существу: «Вы уволены». И все. Время останавливается. 15 лет прожитых зря. Никаких перспектив. А я думал, что будет иначе.

Мои разработки считали гениальными. Они таковыми и были. А толку? Что толку? После увольнения я множество раз показывал их в самых различных организациях. Везде одно и то же. Один и тот же человек, заинтересованно поднимающий бровь при прочтении. А я вижу, что он читает наискосок, что он уже знает ответ. И я знаю. Так зачем мы сидим и играем в эту нелепую, никому не нужную игру в дипломатичность? Скажи мне, сука, скажи прямо и не вилляй. Скажи, что я на хрен вам не сдался со своим открытием.

Мой сын имеет право гордиться мной. Я даю ему такую возможность. Пускай говорит друзьям, что его отец гениальный ученый и очень скоро его труды лягут в основу серьезных исследований с привлечением иностранного капитала. А я сажусь за руль своего старого «Шевроле» и еду по ночному городу. Отвожу еле стоящих на ногах после очередной попойки граждан по домам. Терплю их несвязную речь и быдловатые замашки.

Ровно две недели назад ко мне в машину сели двое молодых, донельзя американизированных парней. Они смотрели на меня с таким неприкрытым презрением, с такой идиотской жалостью, что я с трудом сдерживал злость. Злость и отчаяние – мои верные спутники в этой жизни.

У нас не было свободы, но мы ее жаждали, мы были рады каждому глотку свежего воздуха. У них есть свобода, но что кроме нее? Они уже одной ногой в том новом мире, который постепенно поглощает нашу потерявшую собственное лицо страну. Они не ищут, так как все найдено за них. Они просто потребляют, безжалостно и постоянно потребляют, не отдавая ничего взамен. Я ненавижу их и завидую им. Мне жалко их и жалко себя. В горле застревает отчаянный крик, которому никогда не суждено будет вырваться наружу – ведь я уже неспособен что-то изменить, равно как и подстроиться под окружающую меня действительность.

- Не устал бомбить, отец? – ухмыляясь этой паскудной новомодной ухмылкой спрашивает меня один из них.

Я молчу. Они ничего обо мне не знают. Они уверены, что я сейчас включу шансон и дам им повод смеяться над собой. Так и делаю. Смейтесь, вам это так свойственно...

Довожу их до места. Молча беру деньги и прощаюсь. Жду, пока они отойдут. Хочу отдышаться. Но через мгновение снова вижу лицо одного из них в окне машины. Он стучит по стеклу и хочет мне что-то сказать.

- На вот тебе визиточку, отец. У нас в фирме с шоферами беда, а ты вроде водила ничегошный. Звони, оформим тебе машину человеческую, будешь документы развозить. Бабла много не обещаю, но тебе хватит. Заживешь! – и снова ухмылка, несильный хлопок по крыше и удаляющиеся шаги.

Две недели борьбы. Борьбы с самим с собой. Еще одна безуспешная попытка заинтересовать своими трудами влиятельных людей.

Вчера я сломался. Мне некуда идти и нечего искать. Больше нечего. Я позвонил по номеру на визитке и договорился о встрече. Сегодня ровно в 9 я буду стоять перед ними, буду терпеть эти взгляды и эту речь. Сыну не скажу..., пускай гордится мной, это его право и его обязанность.

В метро ужасно душно и жарко, а я одет теплее, чем обычно. И еще эта давка. Успел-таки я от нее отвыкнуть. Главное не опоздать, а для этого надо расчистить себе дорогу. Пройтись по головам других людей. Все как в жизни: вагон метро – маленький социум, где побеждают пробивные и хамоватые типы, а интеллигенты проезжают пару лишних остановок.

...
Толсто-потный выходит на несколько минут раньше меня. Думаю, что мне будет его нехватать. Хороший, если подумать, человек.

Александр МЕДВЕДЕВ

ГЛАВНЫЕ ПЕСНИ

/по картине Бакина «Маскин»/

О, эти порывистые возгласы: нравится, не нравится!.. Совершенно убийственны они для художника, выносящего на обозрение своё искусство, дитя его порочного вожделения к славе и деньгам и его нежного чувства поклонения красоте. Художник был бы уничтожен, тотчас бы рухнул, срезанный скорым лезвием капризных оценок, если бы... он сам себе не нравился ещё больше, чем кому-то не нравится его произведение. Полагая, что небрежно положенную косметику всё ещё можно принять за космос его внутреннего мироустройства, он маскирует отвращение к себе гримасой непомерного самодовольства. Но вдруг ему начинает казаться, что его давно уже раскусили, и с выражением неподдельного участия художник стремится в гущу жизни. Им выстраиваются стратегии, его действия представляют собой не предмет самолюбования, но message, послание людям. Для их же удобства художник занят собственным PR'ом, пристально следит за положением своего имени в рейтинге популярности. Новые слова на какое-то время сбивают с толку, но в сущности ничего не могут изменить.

Всё чаще он вспоминает другие слова – пушкинского избранника небес: «Подите прочь – какое дело / Поэту мирному до вас!». Они красивы... он успокаивает себя... только герой и толпа – это Голливуд, мюзикл Бродвея... книжка в мягкой обложке. Теперь совсем другое дело, современный небожитель, художник всё так же один, но вокруг него – не просто толпа, а толпа героев. И выходить к ним с открытым забралом художнику просто глупо. Ему нужен противогаз, накомарник, на худой конец, марлевая повязка. И пусть они называют это перформансом, думает художник. Он-то знает, что допевает старую козлиную песнь* незавершённой греческой трагедии, в которой он и его искусство оказываются разлучёнными близнецами.

козлиная песнь – буквально трагедия (греч.)

ПОЕДИНОК

/по картине В. Михайлова «Армреслинг»/

В «Исповеди души художника» Бодлер открыл нам, что сила наслаждения порождает тревогу и мучительную боль. Наверно, поздно говорить об этом тому, кто потерял уже из виду берег своей безмятежной жизни. Тому, кто познал закон физики о равенстве углов падения и отражения, стоя на раскалённой палубе, отражая солнечные удары с помощью потерявшего упругость батута, куска обвисшей парусины. Парусами, ищущими ветра, готового шутя растерзать их в клочья, но толкающего при этом вперёд, становятся души бродяг, без сожаления покидающих тихие гавани размеренного быта.

А их руки? Какую ещё боль не испытали эти ужасающих размеров клешни с бахромою сорванной кожи? Горящие, не уступающие ветру в каждодневном перетягивании канатов, они в холодном оцепенении обиды не в силах бывают удержать выскальзывающее тонкое запястье. Поигрывая поддельным золотом колец, нежные пальчики гладят соленую кожу великанов. Конечно, не от них исходит предчувствие боли. Настораживает фальшивый блеск маячка в расширенных зрачках красавицы и тревожное ощущение уже не покидает выдавшего виды флибустьера.

Сила здравого смысла восстаёт против силы наслаждения. Титан пробуждается в бродяге, и он полон решимости – рубить мачты своего желания, несущего его на рифы отчаяния. И нет сомнения, он сделал бы это. Если бы не упоительная красота момента – смесь наслаждения, обмана надежд и безмерной тоски, – против которой он бессилён. «Познание красоты – это поединок, – о, как Вы правы в этом, господин Бодлер, поединок, – в котором художник кричит от ужаса, прежде, чем быть побеждённым!».

Александр МЕДВЕДЕВ

ОНИ

/по картине Хайлу «Тоннель»/

Есть такие люди, от которых Богничего не скрывает. Тьма для них есть вызревающий свет, и поэтому они видят вещи не такими, какими, в основном, их видит большинство из нас, пазлами картины мира. Они не довольствуются фрагментами мудрости, прозревая её в неделимой целости. Этим людям не надо втягиваться в воронку прямой перспективы, чтобы достичь пределов видимости. И они не выворачивают себя наизнанку перспективы обратной, как это делали бы мы, показывая свою способность вмещать тайные знания прописных истин «от и до». Тогда как мы ютимся по углам чёрных квадратов своих скромных способностей, эти люди не отказывают себе в свободном перемещении в прозрачных лабиринтах сферы возможностей почти нечеловеческих. Если для нас символом кратчайшего пути является прямая линия, соединяющая две точки, то они предпочитают пользоваться кривой линией, спиралью. Объясняя это тем, что она более стремительна, что спираль показывает пружинистое движение в пространстве – прыжок вглубь и из глубины. Пока мы переживаем превратности своего пути из Пункта А в Пункт В, они, развлекая нас, легко доказывают нам, что снег чёрен. И как не поверить им, коли снег – это замёрзшая вода, а – в Неве, во всяком случае, это очевидно – вода всегда черна. Сложнейшие вещи открываются им с лёгкостью лопающейся в свой срок почки, мы же – простейшие сведения, как правило, добываем, выходя из себя, рискуя при этом не найти дорогу обратно. Есть такие люди, умеющие сосредоточиться на внешнем и рассеяться во внутреннем. Но, отчего же, Господи, рядом с ними мне так одиноко?

Василий ГОЛУБЕВ
ЛЮДОЕД

Людоеда звали Матвей. Он очень любил людей, причём любил их сердцем, а не желудком, как многие могли бы подумать. Внешность обманчива – неприглядный облик и жестокие манеры скрывали чуткую, ранимую душу. К сожалению, мало кто понимал это, поскольку при виде Матвея первым желанием было желание убежать и спрятаться. А вторым – держать разумную дистанцию, чтобы успеть, если что, спрятаться или убежать. Он никого не осуждал, хотя страдал и горько сетовал на невостребованность томящихся в нём добродетелей. Не надо смеяться, - злomu чудовищу больше всего на свете хотелось делать людей счастливыми. Людоед умилялся беззащитной доверчивости детишек, плакал над бессилием одиноких стариков, приходил в отчаяние, замечая в толпе сухие, неподвижные глаза обманутых женщин и понурые спины обманутых вообще.

Однажды на автоответчике своего телефона Матвей услышал незнакомый голос. Какая-то старушка просто ошиблась номером, - думая, что попала в аптеку, просила прислать ей на дом лекарство. Людоед прослушал сообщение несколько раз и записал адрес. Он не мог смириться с мыслью, что кто-то, лишённый возможности даже выйти из дома, будет напрасно надеяться и ждать помощи. Невзирая на поздний час, Матвей сел в машину и в одной из дежурных аптек отыскал необходимое снадобье. Конечно, он отказался от денег, робко протянутых пенсионеркой (к счастью, бедняжка была почти слепа и не видела, с кем имеет дело). Людоед же попросил впредь внимательнее набирать номер, ведь не всегда её ошибка найдёт понимание.

Характерно: с незнакомыми людьми он бывал, подчас, более щедр на тепло, чем с немногими близкими, хотя прекрасно понимал: эти немногие даны ему Свыше. Как иначе оценить дар бескорыстного терпения, умение прощать кровожадный нрав и способность видеть в свирепой образине те драгоценные, восхитительные качества, трусливо им скрываемые ото всех. Дряблый духом и в себе неуверенный – Матвей пугался ответственности за прирученных лаской. Уж лучше тайно числить себя их должником. О, как благодарил он Провидение, пославшее ему таких кредиторов! Как страстно надеялся опекать, защищать их, быть ласковым... Но не решался.

И тогда Матвей съедал их. Так, как

едят морковь, капусту, свинину или говядину – тщательно пережёвывая пищу, изгибом выи и страдальческой гримасой помогая куску уйти в пищевод. Он стыдился готовить из дорогих его сердцу людей антрекоты или котлеты, хотя знал, что некоторые пожирают и не такое – саранчу, например, гусениц каких-то, даже крыс. Наверное, если дошёл до каннибализма, стряпня из человечины – не большой грех, чего уж там. Но Матвею подобный цинизм казался неслыханным извращением. Он ел друзей сырыми, часто без соли, обычно – по ночам, не включая свет. Кости закапывал в землю, всё худшее (кто из нас без греха?) со временем шло в унитаз, а самое ценное – белки, жиры, углеводы – усваивалось организмом, становясь с ним единым целым. Отлично придумано – холить и лелеять. Кто осмелится оскорбить такого монстра? «Зина, Лёня, Валерка, Наденька», - нежно причитал людоед, поглаживая свою тугую плоть.

Он познакомился с доброй женщиной. Жизнь обошлась с ней несправедливо, рано лишив любимого мужа и обидев никчёмностью пьяницы-сына, понукаемого истериками невестки. Однако, Маруся (так звали её) и горькую долю сносила безропотно, оставаясь натурой весёлой и искренней, исполненной той непрописной нравственности, которая даётся лишь праведникам. «Родничок мой, - шептала она людоеду. – Солнышко. Единственная отдушинка!»

Милый такой человек.

Чистые сердцем – нежеланны в миру. Они порождают сомнения на пути к успеху. Добро целей не ставит, а без целей – как можно? Без целей – неприлично! Оттого, зная, столь яростно обороняются от них народы. Ну, а раз так – должен кто-то и опекать обязательно. Поднимая глаза к небу, Матвей умолял уполномоченного на подобные решения послать ей достойного суженого и заступника.

Несколько лет они были вместе, а судьба так никого и не направила... И безутешный Матвей сожрал свою Марусю. Теперь он был спокоен за неё. Воскрешая в памяти светлый образ любимой, взгляд, улыбку и смех, людоед растроганно вопрошал: «Где ты сейчас, моя лапонька? Может быть, тут – в мягком боку? Или – обнимаешь меня округлостью плеч? Или – здесь, где пульсирует синяя жилка?»

Так и вековал.

Конец его был ужасен.

Петр ФРОЛОВ
ИС-ХС

Над руинами древнего города садилось солнце. Исковерканные здания, разрушенные землетрясением и войной, выделялись на фоне бледно-серого неба и были похожи на силуэты каких-то неведомых животных. Лучи заходящего солнца отражались в разбитых стёклах, сверкали на листьях выросших среди развалин берёз и пропадали в темноте выбитых окон. Центральная улица города была изрыта воронками и дырами от снарядов, завалена обломками стен, поваленными столбами и разбитыми машинами. Чёрные обгоревшие руины поднимались над ней, словно декорации.

По улице шёл человек, одетый в штопанные лохмотья, на плечи его была накинута шкура, а ноги обмотаны тряпками. Он молча шёл в центр разрушенного города. Он жил со своей семьёй в пещере, которая располагалась недалеко от реки, на которой был когда-то построен город. Остальные люди боялись ходить по руинам и обходили их стороной. Но человека с накинута на плечи шкурой что-то тянуло сюда, какое-то странное предчувствие. Он не мог объяснить его, потому что вот уже несколько сот лет как человечество разучилось говорить. Человек находил на развалинах много вещей, назначение которых было ему неизвестно: осколки стекла, остатки механизмов, разбитые часы, зеркала... Улица привела человека в полуразрушенное здание. Когда-то оно было самым высоким в городе, и в ясные дни отовсюду можно было увидеть, как солнце сверкает на его больших окнах и медной крыше. Теперь от него мало что осталось, только исковерканные трещинами и разломами стены, увитые диким виноградом.

Перешагнув через истлевшие деревянные двери, лежащие на ступенях перед входом, человек вошел внутрь. Напротив входа что-то сверкнуло. Спугнув нескольких голубей, он перебрался через упавшую балку и подошёл ближе. В трёх метрах от пола, перед небольшим полукруглым помещением он увидел нарисованного человека. Эта картина,

освещённая закатным солнцем, что пробивалось сквозь разлом в стене, сразу завладела его вниманием. Она сильно обгорела, нижняя часть её была совсем уничтожена, а верхнюю пронизывали глубокие трещины. Но, несмотря на это, он сумел разглядеть человека, который спокойно смотрел прямо на него, у него были длинные волосы, высокий лоб и небольшая борода. И тут неожиданно он встретился с картиной глазами. В этих глазах он вдруг узнал глаза своего отца, умершего уже давно, и глаза матери, неподвижно лежащей в пещере, и глаза дочери, оставшейся ухаживать за ней. Чем дальше он смотрел, тем шире разрастался круговорот воспоминаний: он вспомнил деда, который брал его на охоту, вспомнил бабуку, как она шила одежду из шкур, вспомнил прадеда, которого видел, когда был совсем маленьким.

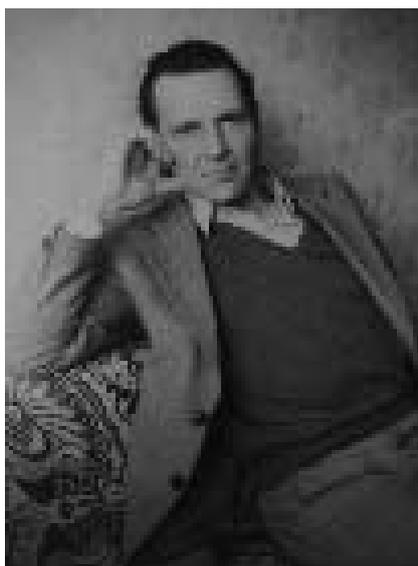
Человек не мог оторвать своего взгляда от картины. Глаза на ней смотрели так, что ему стало страшно, так страшно, как ещё никогда не было. Они будто знали о нём всё, будто смотрели со всех сторон, не просто смотрели – видели. От этого что-то внутри человека сжалось, к горлу подступил ком, и ему стало трудно дышать. Ему показалось, что так на него смотрел отец, когда он упускал добычу или делал что-то не так. Но вместе со страхом эти глаза говорили ещё о чём-то, о чём-то смутном, что приносило человеку страдания и какое-то внутреннее тепло. Он не мог этого выразить, ибо не умел говорить, но всё же несколько звуков вырвалось из его рта: -ИС-ХС.

Сказав это, человек упал на колени, продолжая смотреть на освещённую закатным солнцем картину. Ему хотелось закричать, замахать руками, убежать, но он продолжал смотреть картине в глаза, которые светились невероятной лаской и любовью, такой огромной, что она приносила человеку боль, боль, от которой он не мог, а может и не хотел уходить, продолжая стоять на коленях.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Олег ОХАПКИН

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1992

* * *

Я понял цель и вышел в путь.
Легко и вольно дышит грудь.
Светло и больно на душе.
Я русской речью стал уже.

Лишь совестью народа став,
Ты, незапятнанная речь,
Постигнешь и его устав –
Любви воинствующий меч!
1971

НОВОЕ ВИНО

Всю ночь читал я Твой Завет
Б.П.

Во гробе нищим я лежал
Друзьями наскоро отпетый.
Нет, червь, и тот не обижал
Живой недвижимости этой.

Другое. Жутко было мне
И, наконец-то, одиноко.
Всего на свете в стороне,
Я ждал: Всевидящее Око

Найдет меня. И что ж? Оно
Во мне, как долго ни искало,
Нашло лишь то, что мне дано –
Жизнь, что и в смерти помогала.

Я Лазарем пошел на зов.
И гроба не было отныне.
Я начал все, что есть, с азов.
И вот, меня лишь нет в помине.

Зато есть новое вино
Твоей, о, Господи, любви!
Мне каплей быть в нем суждено,
Но не пролитой каплей крови.

И эту ночь я посвятил
Тебе, Твое читая Слово,
Как Ты у моря посетил
Друзей Твоих по смерти снова.

И я, как Петр, к Тебе плыву.
Чуть наготу прикрывши рванью.
Я знаю: это наяву,
И Ты пришел такую ранью.

Еще и солнца не видать,
И сеть пуста, а Ты уж с нами.
И все, что Ты захочешь дать,
Ты дашь нам, и увидим сами.

И все, что мы тебе дадим –
Твое: вино, сыта и жито,
И то, что на тебя глядим,
И в том любовь Твоя открыта.

И если я люблю Тебя –
Ты знаешь все. Я пред Тобою.
Но я не знаю и любя,
Как мне идти Твоей стопою.

Направь и не оставь нигде,
Ни даже здесь, когда Ты рядом.
Я пред тобой тону в воде,
И Ты меня спасаешь взглядом.

И эта аква мне легка
Лишь потому, что это бремя
Твое, и наступило время
Доплыть к Тебе издалека.
1971

ЗИМНИЙ РАЙ

И ночью пламенные звезды
В студеном небе нам горят –
Лучистые большие грозды
О зимнем рае говорят.

Подымешь голову и видишь –
Кассиопея, Орион,
Как будто на дорогу выйдешь
Иных небес, иных времен.

И, может, в райском разноцветье
 Душа твоя звездой горит
 Пока кончается столетье
 И раной жизнь во мне болит.

Ты близкая ко мне, я знаю,
 А звезды так же далеки,
 Как эта зимняя, сквозная
 Ночная мгла из-за реки.

Твоя душа в глазах сияет,
 И мы, как Ева и Адам.
 У ног собака громко лает
 И дочь ей хвост перебирает,
 И звезды светят ей и нам.

1991

ТАТЬЯНЕ

Стали редки впечатленья
 Поэтической мечты.
 Нет ни слез, ни умиленья.
 Мне осталась только ты.

Но бывают дни иные-
 Не чета бесплодным дням –
 Поэтически живые.
 Это светлый праздник нам.

Впрочем, нам светло с тобою.
 Не покинет нас любовь.
 И с надеждой, и с любовью
 Мы глядим друг в друга вновь.

Ты и юная, и света
 Преисполнена еще.
 Ты – награда для поэта.
 Брак наш Богом освящен.

И твои переживанья
 Мне изменчивы на вид.
 И бывает, упованья
 Вера теплая живит.

Ты прекрасна. Ты со мною.
 Ты жива – моя мечта.
 Ты осталась мне женою.
 Наша жизнь легка, чиста.

И бывает, впечатленья
 Ляжет на душу светло -
 Напишу стихотворенья
 Косной осени назло.

И весною как повеет.
 Я опять с тобою юн.
 Но, однако, вечереет.
 Чай, ноябрь, не июнь.

Ты мне друг – моя Татьяна.
 Поэтически жива,
 Ты живешь как утром рано
 И как день всегда права.

Я живу уже под вечер.
 Мне приятен поздний свет.
 Мне тебя утешить нечем –
 Разве тем, что я поэт.

И бывает нам семейный
 Праздник – Музою ко мне
 Стих приходит легковесный.
 Это – радость нам вдвойне.

И душа как оживает –
 Поэтически юна,
 И, ликуя, уповает –
 Будто юность продлевает –
 Уж не солнце, а луна.

Отраженным светит светом –
 Будто след былого дня.
 Но умру, как жил, поэтом.
 Ты – надежда для меня.

День твой радостный и жгучий
 Мне согреет зрелось лет.
 Я ж останусь век певучий –
 Будто месяц из-за тучи
 Отражает солнца свет.

1991

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Весь город наш слезами орошен
 Прошел нездешний дождь и тротуары мокры
 И час цветения черемухи пришел
 И вечером дома желты от охры.
 И день Победы увенчал салют.
 Весь город преклонил главы седые
 И дети песни той войны поют.
 Прозрели даже и слепые.
 Всем виден день Победы. Город наш
 Торжественно его встречает.
 И если ты хоть грош на водку дашь,
 То и тебя Победа увенчает.

9.05.2008

ПАМЯТИ БОРИСА ТАЙГИНА

Анатолий ДОМАШЁВ
ПОСВЯЩЕНИЕ БОРИСУ ТАЙГИНУ

В глубине Васильевского Острова,
а точнее – уже на Голодае,
там, где дымкой синей, папиросною
над кладбищем утро возникает,
жил чудак один... Тяжелоосные
он водил по городу трамваи.
Правда, до того, как жить на Кима, он
жил полвека в линии Десятой
и не знал ни Беринга с Нахимовым,
ни к заливу станции прижатой,
ни пейзажа так сейчас любимого, –
тихий основатель самиздата.

Колесили городом вагончики,
взгляд бежал, пути опережая,
листопад метался, как в агонии,
снегопад ложился урожаем –
овертели остров ветры-гонщики,
жизнь его ему напоминая.
Как хотелось в молодости музыки,
и Марики Рокк, и Дины Дурбин!
На аккордеоне даже мучился,
но “на рёбрах” поломали зубы
и в тайге за это вместе с “мусором”
оттрубить пришлось медны трубы.

Снег сдувало с сосен крупкой рисовой,
слава Богу, отмоталась веха!
Оттого слова, как иней, слизывал,
ничего не слыша, кроме эха:
хвойным псевдонимом жизнь дописывал,
кажется, теперь уже – доехал!

Жизнь свою листая лист за листиком,
подводя, суммируя итоги,
понял он одну простую истину
из, казалось, правильных и многих:
даже если островом отстроишься –
от себя ты никуда не скроешься!
Не бывает от себя дороги.

Борис КОНСТРИКТОР
О БОРИСЕ ТАЙГИНЕ

Борис Иванович Тайгин был
стихотворением. Понял это после его смерти.
При жизни он был для меня реинкарнацией
пушкинской строки “Чистейшей прелести
чистейший образец”.

Казалось невероятным, глядя на
обаятельно-артистичного Бориса Ивановича,
что за “музыку на ребрах” он пять лет отсидел
в сталинских лагерях. Шаламовский ад будто
не опалил его вовсе. Псевдоним Тайгин, взятый
вместо роскошной поэтической фамилии
Павлинов, был единственным напоминанием.

Это был человек беззаветно преданный
Поэзии (именно так, с большой буквы, как написал
бы он сам). Парадоксально, но в его пантеоне
пребывали не столько великие предшественники,
сколько беспокойные современники. Лозунг
“Бумагу живым!” стал для Тайгина делом жизни.
Почти триста книг издательства “БеТа”, летопись
всех поэтических событий, очевидцем которых он
был на протяжении десятилетий, осыпающиеся
магнитофонные пленки с голосами молодых
Кузьминского, Бродского, Рубцова, Горбовского,
собственные книги стихов.

Это было воистину служение. Какое
надо было иметь терпение (и смирение!), чтобы
шесть раз перепечатывать одним пальцем
рубцовский сборник “Волны и скалы”, с которым
впоследствии тот поступил в Литинститут.
Бесконечное попечительство Глебушки,
работа над томами собрания его сочинений.
Мою книжечку прозы, вышедшую в 1995 году,
сделанную на клеевой основе, он бережно
прошил и переплел заново...

Трамвай Бориса Ивановича (он много
лет отработал вагоновожатым) не заблудился.
Имя Тайгина крупными буквами вписано в
самиздатские “Четы-Минеи”. Хорошо бы и
архив его занял подобающее место в нашей
культуре. Особое, светлое, ни на кого не
похожее стихотворение Борис Тайгин останется
в русской поэзии.
29.11.2008

Борис ТАЙГИН

ТЕКСТЫ ИЗ “ГОЛУБОЙ ЛАГУНЫ”

* * *

Я умру не от старости –
я умру от тоски...
Под малиновый благовест
я – отшельником – в скит...
Там лампада горящая
перед ликом Христа...
Камыши шелестящие
лижет тихая Мста.
Лес глухой и нехоженый,
окропленный росой.
Я стою, замороженный
первозданной красой...
В небе – звёздные россыпи –
начертаньем судеб.
Что Ты скажешь мне, Господи,
на Последнем Суде?..
Чёрный лик – в жёлтых оспинах
в Гефсиманском саду...
Отыщу ли, о Господи,
роковую звезду?..
1963

* * *

Распятие Христа – на развилке дорог.
Приморская горькая пыль...
Слова на плите: «Да поможет вам Бог!»
И рядом – сиротский ковыль...
Да ветер, носящий со скоростью пуль
песчинки в раздетой степи...
Да солнце, входящее в крымский июль,
шептавшее: смертный, терпи...
Бескрайняя степь – желта, и пуста:
ни речки, ни луга, ни леса...
Лишь чахлое деревцо возле Христа,
и рядом – скамья под навесом...
Какая вокруг безглагольность тоски.
Какое безлюдье, покой...
И – только дорога...
И солончаки...
И небо...
И ведьма с клюкой –
неслышно летящая вдаль над пустыней...
Но это – лишь тень облаков!..
... Нам вечно идти –
под плащом светло-синим,
идти до своих тупиков...
Какую молитву Тебе вознести?
Во имя чего славить Бога?
... Нам – только идти,
только крест свой нести...
Нам ныне и присно – дорога...
1968

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Не подвластен звону злата –
пламень юношеских дней!
Модным парнем был когда-то,
были и стихи модней.
А сейчас, сквозь стон рыданий –
эти строки выплакал:
видно, летопись сказаний
до конца я вылакал...
И ложатся буквы – строчкой
бледно-голубых чернил...
Не последнею ли ночью
я с тобою говорил?!
1956

* * *

Я жить учился под штыком,
под остриём цепного взгляда...
Закрыв глаза, я видел дом,
огни родного Ленинграда...
Очнусь, и – только ветра вой...
Кругом осины, сосны, ели.
А с вышек – злобою немой –
глаза раскосые смотрели!
В пришедший праздник – Новый Год –
становится предельно жалко,
что юность наша отцветёт
в труде тяжёлом, из-под палки...
А если в лагере, в тайге,
меня совсем оставят силы –
зарюют с биркой на ноге,
без слёз, и даже – без могилы!
...Тайга. Безгранная тайга.
Наш лагерь – словно муравейник.
Но каждый – носит, как ошейник,
колючей проволоки рога!
Концлагерь наш окутал мрак.
Мне много довелось увидеть...
И там я понял, кто мне – враг!
Кого мне надо ненавидеть!
1960

ЗВОНАРЬ

Отзвонила моя колокольня,
отзвенел златозвонный набат...
А дорога была – окольной:
никакого пути назад!
Впереди – на пути – болото:
ни по суше, ни вброд, ни вплавь...
Ещё верится мне во что-то,
Перепутались сны и явь...
Может, колокол новый повешу,
и зальётся гудом окрест!
Может, сам на кольце повешусь,
зажимая в ладони крест...
1963

Эдуард ШНЕЙДЕРМАН
МОРСКАЯ ЛЮБА

Л.Добашиной

Море. Волны. Небо. Солнце.
Ветер. Тучи. Пена. Брызги.
Люба. Море. Волны. Небо.
Солнце. Ветер. Тучи. Пена.
Брызги. Люба. Море. Волны.
Небо. Солнце. Ветер. Тучи.
Пена. Брызги. Люба. Море.
Волны. Небо. Солнце. Люба.

Небо: солнце, тучи, ветер.
Море: волны, брызги, пена.
Небо в море. Море в небе.
В море неба – волны-тучи.
В небе моря – волны солнца.

Солнце в море, море в волнах,
Волны в брызгах, в тучах пены.
Люба в волнах, Люба в море –
В Средиземном, Черном, Красном,
На Кинерете, в Балтийском.

Люба в ветре, Люба в брызгах,
В пенных волнах солнцеморя,
В пене волн, в волненье моря,
В пене туч, в кипенье пены,
В море солнечного света,
В солнцах брызг морского ветра.

Тучеветер в солнценеба,
В ветроморе – пеноволны.
Небоморе – в тучепене,
В солнцепенных ветробрызгах.

Вольновольное волненье
Волн небесных в мореволнах,
Пенье неба в ветротучах,
Волнопенье в Любоморье.

Солнцелюба, Пенолюба –
В ветропенных солнцеволнах,
Морелюба, Ветролюбя –
В моренебье небоморья.

В Любе – море, волны, ветер;
Солнце, тучи, небо – в Любе.

Море – Люба, волны – Люба,
Небо – Люба, солнце – Люба.

Солнцетучеветронебо,
Волнопеннолюбоморе.

Небо! Море! Солнце! Тучи!
Волны! Брызги! Ветер! Люба!

Николай ЛУККА
СНЫ ВО СНЕ
(отрывок)

Свист тревожный, свист далёкий
слышу я и вижу, как
по равнине товарняк,
растянувшись киноплёнкой,
медленно ползёт. Заря
спит на горизонте лёжа.
Тлея, розовеет кожа
сквозь лохмотья туч. Паря
в небе, плавными кругами
я летаю над землёй
и не шевелю руками.
Липкой воздуха струёй
к городу меня относит.
«Попаду, дурак, в Мальстрём!» –
мысль мелькнула. Мы умрём
вместе: сердце не выносит
муки» – шепчет сердце. Прах
вьётся, Делая глубокий
вдох, я погружаюсь в смог и,
чувствуя сильнейший страх
и прощаясь с жизнью, камнем
падаю, крича: «Хочууу
Жить!..»

Елозит по плечу
капюшон. Тройной в кармане
булькает. В ушах свистит.
Дождь холодный моросит.
Я бреду. Прижавшись крепко
к черепу, вздыхает кепка.
Серый, грузный, как треска,
бомбовоз плывёт по небу.
Как стиральная доска –
лужа. Ветер треплет вербу.
Пахнет скошенной травой,
пивом и мочой... К пивной
подхожу. Стаканы, кружки,
банки, баночки бренчат.
Люди пиво пьют, кричат,
спорят. Страсти у пивнушки
разгораются. Толчок:
пиво – в грязь, а мужичок –
на соседа, как лягушки,
скачут кепки. «Мужики!
что вы делаете?!» – звонко
пьяная кричит бабёнка.
Но мелькают кулаки,
лапы, клювы, морды, рыла.
Бешеные псы, гориллы,
грифы, кабаны, быки
скачут...

Ася ШНЕЙДЕРМАН

* * *

Ослик Яша
 среднего роста и среднего возраста
 из Средней Азии привезен
 на детский курорт – в Евпаторию,
 но целыми днями день за днем
 в полчасе от берега в парке пашет
 и не видит моря он.
 На лбу – очки от солнца,
 шляпа из синтетики, имитирующей солому.
 Ослиная шкура цвета дощатых топчанов,
 табуны которых гуляют по пляжам
 (но их вытесняют изящные – пластмассовые),
 а Яша не знает слому.
 Хозяйка-травести с голосом надтреснутым
 ведет его мимо булыжной крепости,
 где ржавый флюгер кукарекает на башне;
 мимо тесных клеток с птицами перелетными
 с крыльями переломанными
 да брошенными цирком обезьяной и
 медведем;
 мимо аттракционов непривлекательных
 из дня вчерашнего:
 динозавроагрегаты подкручены, подкрашены
 (не отыскать запчасти).
 На стене бетонной крупно красным
 написано как раньше:
 «ОСТРОВ ДЕТСТВА. ОСТРОВ СЧАСТЬЯ».
 К вечеру всклокочена коричневая грива.
 Верхом – три. В повозке – гривна.
 Дрожат и шамкают губы Яшины,
 когда в награду корки

Таня ВОРОНКОВА

* * *

Летит по небу
 Горькая луна,
 Полугрейпфрутом
 Повалилась на дома

ПЕТЕРБУРГ

Над Исаакиевской
 Площадью
 Ти-ши-на,
 Там висит
 Высокая
 Полная луна
 Облака зеленые -
 Мас-ка-рад!
 Мы пришли в театр,
 Сядем в первый
 Ряд.

Дмитрий СЕВЕРЮХИН

ПРО ВЕРТОЛЕТШУ

По волнам, играя, носится
 с миноносцем миноносица

Маяковский

Я реву от восторга и ужаса:
 Вертолетша над городом кружится –
 отдаются в груди резонансом
 мне ее прихотливые танцы.

Серебристая вольная умница,
 ты меня заставляешь задуматься
 о высокой, как небо, материи
 и о страсти, которой не верю я.

Вертолетша, скажу тебе вот еще:
 я хочу быть твоим вертолетищем,
 чтоб, сверкая железными латами,
 твой неистовый рокот подхватывать,

чтоб пропеллер со свистом раскручивать,
 управляясь с унылыми тучами,
 чтоб, поднявшись над серыми крышами,
 предаваться мечтаньям возвышенным

и, принимая забавные позы,
 совокупляться подобно стрекозам.

Митя КРЫШЕВСКИЙ

Прости, любимая Настю...,
 Итак, я спрятался (тю-тю!)
 В угоду будущей молве
 теперь мне следует пове...
 (повеселиться, может быть?)
 Теперь мне следует побыть –
 повить с собой наедине.
 Теперь мне следует на дне –
 во тьме небесного подвала –
 укрыться звездным одеялом.

Поверь, не терпится теперь,
 открыв неведомую дверь,
 шагнуть в пустую темноту,
 за грань мифическую ту,
 где по углам, одни на свете,
 стоят наказанные дети.

Но я вернусь, мой нежный друг:
 над головой нелепый круг –
 не нимб, но чертова петля.
 Так я вернусь, забавы для,
 чтоб между потом и улыбкой
 вершить работу над ошибкой.

Зерно, улыбка, колосок,
 угрюмый ветер и песок.

Александр ЭСОНО

ПРЫГАЮЩЕЕ

День убывает с каждой каплей дождя,
и у каждой капли есть па-ра.
Город усыпан как серый раджа
тканью дождливого к-ра-па.

Всякий прохожий словно бед-няк
собирает бусины в ру-ки.
Дождь омывает с улиц з-нак бед
затупляет башни се-ки-ру.

Город пахнет, будто мята,
будто любовь есть как дрё-ма.
Как это больно - невнятно
понять, что верить не му-дро.

Мудро поверить, что город раджа,
что дождь – куплен рад-жэй,
немудро не видеть того ножа,
что ране чу-жой рад.

Брошен брошен брошен брошен
словно старый сложный ребус,
и не видно звёзд-горошин
ни в глазах твоих, ни в небе.

Олег ВОЛГИН

РОЖДЕНИЕ ДИКТАТОРА

Вчера был вечер, и люди, похожие на мишени -
одинаковостью контура -
Прятались в столбиках умножения,
квадраты желтые множа,
А по улицам носились,
Сверкая мигалками, кондоры,
Хватая случайных прохожих.

И вечер как будто корабль плыл
в потоках иллюминации,
И толпы злых полупьяных **дил
Искали, с кем бы подраться.

Город бурлящею амальгамой
Источал уют и заразу,
Он решил: «Мир спасут только общие ямы
Забитые до отказа!»

Сергей БАРЫШЕВ

* * *

Освобождаю от любви,
От тяжести своей,
И уйду безмолвно в ночь,
В сиянье фонарей.

И, оставляя только дым
Прощальных сигарет,
Не оглянусь на эту дверь,
Где тихий мерный свет.

Пройду почетный караул
Ночных пустых аллей,
Последний поезд увезет
Под скрип и свист дверей.

Куда-то в темень уплывут
Той станции огни,
Где, мне казалось,мы вдвоем,
И едем мы одни.

Освобождаю от любви...

Владимир ТРЕТЬЯКОВ
Из поэмы «КУКЛЫ»

Не завистливое утро,
Проводник застыл в ночи,
Кочевряжусь в стане мудро,
У завистливой мечты.

Лихорадит спозаранку,
Устремляюсь в небеса,
Словно, в дымную баранку,
Упокою телеса.

Жизни копоть – отблеск чуда,
Мухи виснут налету,
Среди созерцанья гуда,
Заползаю под плитку.

И навеки стынет мера –
Вечности земной порог,
Одиночество и вера,
Под пьетой Господь продрог.

Олег ФРОНТИНСКИЙ

* * *

Пивная будка –
 Цвета незабудки –
 Не забудешь,
 Мимо не пройдешь.

Желтое пиво –
 Отражает криво
 Морду помятую
 Кружки хрусталь.
 Если устали
 Иль опоздали,
 Вас освистали,
 Вам себя жаль –
 В белую пену
 Заройтесь глазами –
 Узнаете сами
 Радости цену.
 За толстую дужку
 Толстую кружку –
 Силой как-будто
 Налили кулак.
 Не моргнув глазом,
 Проглотишь мушку –
 Все тебе ладно,
 Все тебе так.
 Этак отрадно –
 Равным средь равных –
 В самую гущу
 Народных тел.
 Каждому пиво,
 Каждому пена –
 Равные мысли,
 Равный удел...

Максим СМОТРОВ
МЕТАФОРА

Я курил телефонную трубку,
 Кольца слов выпускаю в эфир,
 Они – слабые! – падали, трупы как,
 Оставляя следочки от дыр...

Я пытался сказать что-то важное,
 Что-то нежное, нужное и...
 Но слова, как фрегаты бумажные,
 Разбивались о губы твои.

Ты в ответ посылаешь мне молнии,
 Ты гремела: «Я не люблю!»
 Все закончилось... только безмолвие
 Я целую, как руку твою.

Ирина ДУДИНА

* * *

Назови всё своим именем-
 Белое- белым,
 чистое- чистым.
 Трубочиста- трубочистом
 Сажу-сажей,
 а мел- мелом.
 Назови, не приукрашивая
 И не занимаясь
 Чёрным пиаром..
 Пусть будет капуста квашеная-
 Капустой квашеной,
 А бар, где пьют пиво-
 Пивным баром.
 Назови того, кто вырубает деревья за деньги-
 Не озеленителем,
 а палачом дерев, высаженных в шеренги.
 Назови разворовывающего казну города
 Не народным депутатом, а городским вором.
 Скажи вслух,
 Что заниматься такими вещами-
 Это не забота о семье,
 А покрытие всего рода позором.

Андрей КАГАДЕЕВ
ОБЕЗЬЯНЬЯ ПЕСНЬ

Наше племя молодое, краснозадое и злое,
 Прорастает из запоя словно дерево-урод.
 Наше дерево коряво, а затылочки кудрявы,
 Ненасытную оравой умножается наш род.

На коленочках убого, да с упорством носорога
 Мы рисуем себе Бога, сатанея без любви.
 Бог не видит и не слышит, в нашу сторону не
 дышит,
 И грыземся мы, как мыши, повторяя «се ля ви».

Мой отец - обезьяноид, дед мой был обезьяноид,
 Мать моя - обезьяноид, как и бабка, черт возьми.
 Обезьяньи наши руки - под воздействием науки
 Только дети или внуки станут, может быть, людьми.

Феликс ВОЛОСЕНКОВ

ПОЭМА

НИКО

ПОЛЬ

Аум	Умбло	Маран	Унул	Хрисан
Ум	Фата	ЗаритуайА	Карбо	Фьё
Сенрикё	Запо	Харан	Рив	Карагон
	Окно	Баран	Сарикул	Передон
Шлям	Квадраты	Аграта		У
Парам	Трусы	Я	Рифмы	А
Трек	Носки	Генезис Ганеша	Млеть	Е
Брек	Дом	Бахрейн	Караман	Малобар Авлодар
Каписто	Ветки	Иордан	Умереть	У
Калистро	Листья	Коруля	Аджна	Пэй
		Мамедов	Виру	Фу
Топ	Пафнутий	Хорват	Мало	
Толоп	Угас	ОбеспачИк	Помалу	МирмидОн
Ирбун	Стекло	Хоруля		Ксавье
	Вальран		Хно	Итигри
Волк	Корова		Плям	Алор
Угорь	Седло	Ура	Крим	Дабор
Бей		Тебе	Гран	Уайшпет
Клац	Самбук	Товарищ	Жив	
Парац	Тривез	Милый	Пис	Зензивер
Изгородь	АмбассаДор	Карен	Зуо	Калайда
	Явнут	Хорен	Гис	Убигду
Таран	Салем	ДамбатуЙа		Тарамур
Паран	АсудоноГор	А	Живо	Крам
Баран	Спарем	Хто	Пись	Полан
Ирбит	Загран	Еввон	Коло	Ав
	Кловисто	Стобою	Пол	Ах
Плаун	Ор	Милый	Доро	Пах
Браун		Таким	Моро	
Петя	Орг	Небудет	Абрикол	
Валя	Берг	Олдра		Агар
Шум	Винегрет	Поп		Фамар
Дорога	Олмо		Вран	Делос
Перец	Вечер	Егорий	Мран	Индан
Дрога	Оуян	ДомврокИй	Еу	Уби
	Ео	Всевед	Пельн	Силакр
Дверь	Ульм		Карабасу	Еры
Окно	Уел	Пермино	Дерди	
Листья	Шум	Акатуй	Ей	Эт
Ствол	Игон	Салерно		Тэ
Небо	Шатер	Брин	Иван	Эс
Вечер	ТелевизоР	Керамид	Петров	Пэ
ЗапавенкА	Курица	Почат	До	Рэ
	Вечер	Объер	Ос	Эс
Паола	Обломе		Здоров	Контук
ТранквиЛла	И	Ир		Оберес
Уе	Угу	Скло	Соло	Имдан
Абрасий		Уп	Жэ	Упыр
Могила	Дарьен	Гыл	Пыл	Эх
Каэл	Спорын	Вавр	Урагх	Ма
	Галата	Еу	Сари	
Ерман	Мая	Бо	Мити	
Життя	Замбук		Конура	
Круг	Ордес	Топо		
Акац	Аратуйа	Нев	Малабар	
Досвид	Кахан	Уг	Пуату	

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА ВЫСТАВКИ	2
КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ	3
ПРОГРАММА ПЕРФОРМАНСА	11
ВЫСТАВКИ	
МОЛОДАЯ РОССИЙСКАЯ ФОТОГРАФИЯ	12
ЮБИЛЯРЫ	15
ДИПЛОМЫ ВЫСТАВКИ "ПЕТЕРБУРГ-2007"	16
ПУБЛИКАЦИИ	25
ПРОЗА	33
ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	
ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	41

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
" М А Н Е Ж "

дизайн - Лариса Скобкина
типография "Тетра"
Санкт-Петербург
2008